

Монахиня Сергия (Клименко)

*“Минувшее
развертывает
свиток...”*

По благословению
Святейшего Патриарха Московского и всея Руси
Алексия II

Монахиня Сергия (Клименко)

*« Минувшее
развертывает
свиток . . . »*

ЗАО «Православная инициатива»
2005

Монахиня Сергия (Клименко)

Книга «Минувшее разворачивает свиток...» издается впервые. Ее автор – монахиня Сергия (Клименко, 1901-1994). Врач и филолог по образованию, она проходила свой нелегкий монашеский путь среди мира, а в 1987 году была принята в число сестер Пюхтицкой Успенской обители.

В книге воспоминаний матушка Сергия повествует о жизни и подвиге монашествующих 20-30-х годов XX столетия, о своих духовных наставниках – старцах и исповедниках, которых Господь сподобил ее встретить на жизненном пути.

В книгу вошли «Мытарства», виденные монахиней и записанные по благословию духовного отца, а также её рассказы и стихотворения.

Выражением особого благоговейного почитания Пресвятой Богородицы является сложенный монахиней Сергией Акафист в честь Преславного Введения во храм Божией Матери.

Предисловие

Дивным проявлением Промысла Божия устроается земной путь каждого человека, а особенно тех, кто ищет правды Божией и хочет работать Господу. Как на небосводе из множества светил каждое занимает свое место и светит с особой силой, так и на земле каждому человеку назначается свое послушание, где он должен трудиться, совершать свое спасение и светить миру плодами своих посильных подвигов.

Об одном из таких путей, пройденных во имя Господа, повествуется на страницах книги «Минувшее разворачивает свиток...», которая объединила в себе рукописи, написанные или продиктованные монахиней Сергией в разное время.

Воспоминания монахини Сергии, посвятившей свою жизнь служению Богу в самые грозные годы XX века, — живое свидетельство о подвиге и святом исповедничестве монашествующих последних времен. Кто бы мог предположить, что на долю юной гимназистки из дворянской семьи выпадут такие испытания?

Закончив в 1918 году Нахичеванскую гимназию, она поступила в Донской университет, желая заниматься историей и филологией. Но Господь судил иначе. За год до окончания университета, после взятия Ростова Буденным, Татьяна Клименко уехала в Кисловодск, который стал ее духовной родиной.

Здесь, в Кисловодске, началась для нее новая страница жизни. Господь послал ей Своих дивных слуг — великих духовных наставников: иеромонаха Стефана (Игнатенко)

и архиепископа Иннокентия (Ястребова). В день празднования иконы Божией Матери «Скоропослушница» приняла она постриг от благословенной руки Владыки Иннокентия, возложив все свое упование на милость Пресвятой Богородицы.

А в 1927 году монахине Сергии пришлось «бежать» из Кисловодска, так как ей грозил арест, и она попала в горную пустынь Покровскую. Всего лишь два года посчастливилось ей пожить в обители вместе с сестрами – а потом... великий и скорбный крест скитаний и поношений.

Отсюда, от чистых и девственных гор Кавказа, понесла она свой светильник – светильник веры Христовой – в объятый пламенем и залитый кровью мир...

В 1930 году монахиня Сергия была арестована и сослана на 10 лет в Соловецкий лагерь особого назначения. Но Господь помиловал Свою рабу. Пробыв около двух лет в пересыльной тюрьме г. Кеми, она получила освобождение по причине тяжелой болезни, что было явным чудом.

Матушка Сергия вернулась в свой родной город Ростов-на-Дону и работала медсестрой в больнице. Схиархиепископ Антоний (Абашидзе), который старчествовал в то время в Киеве, благословил монахиню стать врачом. Закончив Третий Московский медицинский институт (годы учения 1935–1941), она избрала специальность фтизиатра и работала в тубдиспансере города Вышний Волочёк.

В 1955 году, выйдя на пенсию, матушка Сергия впервые приехала в Пюхтицу и навсегда осталась в этом святом месте. Вначале поселилась в небольшом деревянном домике, вне ограды монастыря. А в 1987 году, по благословению Матушки игумении Варвары, которую искренне любила и почитала, перешла в обитель.

Строго следуя святоотеческому учению, а также руководствуясь наставлениями своего духовника отца Стефана, монахиня Сергия возрастала от силы в силу,

чтобы потом послужить многим своими дарами – особенно даром молитвы.

Ее глубоко содержательные духовные беседы передать трудно. Это был человек рассудительный и правильно мыслящий. Она во всем старалась быть незаметной и искренней. Служение ближним и непритворная любовь украшали этот скрытый светильник.

Глубок и ценен великий жизненный опыт монахини Сергии – опыт стояния за истину Святого Православия. Пережив разрушительное нашествие на Церковь обновленцев 20–30-х годов, она знала, как пагубны бывают всякие горделивые начинания человеческие, прикрытые ложью доброжелательства. Погибелью считала духовно опытная монахиня малейшее отступление от истин святой веры. Всех, кто её помнит, она просила беречь Православие – этот бесценный дар.

И да послужит настоящая книга на пользу всем, ищущим спасения!

Часть первая

“Миновавшее развертывает свиток...”¹

Благословите, дорогая Матушка! По своей доброте и снисходительности, Вы, глубокочтимая Матушка игуменья, сказали мне: “Вам надо писать мемуары”.

Интересно, что эти именно слова я слышу в текущем году от многих. Между прочим, и от своего друга – отца Герасима² (иерея Богоявленского Патриаршего собора).

“Глас народа – глас Божий”.

Возможно, дни мои, “уклоняющиеся, как сень”, приближаются к концу? И на мне лежит долг перед молодым поколением, долг сообщить сведения о жизни монашествующих 20–30-х годов нашего века?

То, что я собираюсь рассказать, не есть, отнюдь не есть автобиография; и не последовательная история. Здесь не будет ни знаменитых имен, ни громких дел. Это только отрывки воспоминаний о днях, “рожденных бурей”, о судьбах насельниц разоренных гнезд Кавказа.

По Промыслу Божию, мне очень недолго (1927–1929 годы) пришлось пожить не в миру.

На Мархотском хребте Кавказских гор, в 25-ти километрах от станицы Крымской и 11-ти километрах от Горного разъезда, между Анапой и Новороссийском, был

¹ Воспоминания написаны м. Сергией по благословению Матушки игуменьи Варвары (Трофимовой) в 70–80-е годы.

² В настоящее время о. Герасим – протоиерей московского храма Вознесения Господня за Серпуховскими воротами.

скит Покровского монастыря Екатеринодарской епархии¹. По буковому густому лесу, покрывавшему горы, эта пустынька называлась "Темные буки"² (известно в ботанике, что бук бывает светлым и темным). К Горному разъезду можно было спуститься только по крутой пешеходной тропе. Бывало, проводники, подъезжая по железной дороге к Горному разъезду, объявляли: "Монашки, ваша станция". Основателем пустыньки считают схимонаха Илариона, жившего раньше в Теберде, Домбае, по реке Гуначхир. Там он написал книгу "*На горах Кавказа*". Эта книга — "ода горам", как месту, созданному для уединенной молитвы и прославления имени Божия.

Отец Иларион не имел богословского образования, но был истинным аскетом, кротким, пребывающим в непрестанной молитве. Увы! Не внял он предостережению святых отцов о том, что "богословствовать так же опасно, как плавать в верхней одежде". Воистину прав преподобный Исаак Сирин, говоря, что нет никого на земле, у кого бы в тончайшей степени не было бы гордости. В силу каких-то внутренних, одному Богу известных причин отца Илариона заинтересовал вопрос о природе имени Божия. Этот тонкий и таинственный вопрос отец Иларион решал один, поверив своему личному опыту. И тут опять встает во всей своей непреложной силе духовный закон: "Видел ты падшего? — Знай, он поверил себе".

Постепенно этот вопрос совершенно поглотил старца. И, к великому прискорбию, отец Иларион стал учить о имени Господа не в согласии с учением Церкви: он начал утверждать, что "имя Божие есть Сам Бог", как бы ввел четвертую ипостась — имя. Мне не приличествует много говорить об этих высотах богословия, тем более, что наши старцы запрещали нам, новоначальным, и читать эту книгу. Я вынуждена касаться этого глубокоскорбного явления, приведшего к расколу на Старом Афоне, потому что мы

тесно были связаны территориально с ревностными, до фанатизма, последователями отца Илариона.

На отрогах Мархотского хребта, поодаль от нас была община имябожниц, с ними был духовный их отец иеромонах Патрикий, игуменья и 22 монахини. Имябожники дерзали называть себя имяславцами, а нас, православных, "имяборцами", то есть якобы борющимися против имени Господа. Это хула на Мать нашу Святую Церковь. Она испокон веков воспевала, воспекает и будет воспевать и славить имя Христово — "Хвалите имя Господне, хвалите раби Господа", "Дивное имя Твое, Господи Иисусе Спасе наш, Ангели поют на небеси и мы грешнии на земли бранными устнами воспеваем, Егоже ради помилуй нас", "Дивное имя Твое Спасе, на небеси одесную Отца седящу Ти, почитается". И еще многообразно-благоговейно славословим мы имя Господа, но в согласии с разумом церковным.

Я не могу сказать, когда отец Иларион пришел в "Темные буки", но умер там в 1916 году и похоронен был под часовней, в которой и совершались богослужения. Сам отец Иларион никогда не мог и предположить, во что выльется его учение: когда до него дошли вести о том, что произошло из-за его книги на Старом Афоне, то это его привело в глубокую скорбь. Он написал какое-то объяснение в Святейший Синод. Это было незадолго уже до кончины старца. Какой был ему ответ — не знаю. Слышала, что отец Иларион "умер под малым отлучением" (?).

Надо сказать, что все зло, разрыв с Православной Церковью, со всеми печальными последствиями, произошли от извращенного, утрированного понимания учения старца его фанатическим "последователем" *Булатовичем*³. Я затрудняюсь точно назвать его имя и сан. Знаю, что он был сначала офицером русской армии, обладал неукротимым огненным темпераментом, что проявлялось, когда он участвовал в учебных военных занятиях: увлекаясь до

самозабвения, Булатович начинал стрелять из настоящего оружия, вообразив себя на войне. Под влиянием каких причин он оставил военную службу, мне неизвестно. Появляется он на Старом Афоне и, с присущим ему "кровавым разгорячением", бросается в самочинные подвиги поста и бдения. (Повторяю, что память мне не сохранила — был ли он в сане иеромонаха или нет.)

К великому прискорбию, в его руки попала эта книга отца Илариона "На горах Кавказа". И тут оправдались слова о том, что "великая беда — невежество в действии". Булатович, не имея ни духовного опыта, ни должного образования, страстный, горячий, стал делать свои выводы из высказываний старца, объявил учение нашей Церкви неправильным, перестал посещать храм, занимаясь самочинно только Иисусовой молитвой. Он привлек к себе многих неопытных монахов, всех их вывел из Церкви. После многих и долгих увещаний, не принесших плода, Булатович с последователями был изгнан со Старого Афона.

Большинство имябожников осело на Кавказе. И, в силу того что "ложь ближе падшему уму человеческому, чем истина", это ложное, нездоровое направление нашло сочувствие: раскол стал охватывать целые станицы; пошли "откровения" о том, что якобы голубь вылетел из Православной Церкви и она осталась без благодати. Да не будет этого: врата адовы не одолеют Церкви Христовой!!

Характерной особенностью имябожников была лютая ненависть к православному духовенству: они набрасывались на наших батюшек, рвали им рясы, поджигали кельи, приводили к дверям их жилищ милицию. И все это делали, "творя" вслух Иисусову молитву! Вот как поглумился враг над именем Божиим!

Вся жизнь, все болезненное направление имябожников подтверждало ту истину, что для занятия молитвой надо иметь правильное умоустроение. А его можно приобрести

только в лоне Церкви! “Научись молиться Богу правильно. Научившись молиться правильно, молись постоянно... Молящийся ум должен находиться в состоянии вполне истинном. Мечтание, как бы ни было приманчивым и благовидным... выводит ум из состояния Божественной истины, вводит в состояние самообольщения и обмана...” (епископ Игнатий Брянчанинов. О молитве. Т.1).

Вот в таком самообольщении и находились имябожники – у них были свои подвижники, ходившие босиком по снегу и т.д. Они привлекали к себе простой народ чрезмерными телесными подвигами и всем запрещали общение с нами, православными.

Помню, как-то раз в нашей пустыньке, встали мы по обычаю в 3 часа ночи на молитву. Вдруг раздался треск среди лесной тишины: это несчастные фанатички вздумали глухой ночью, зимой, ломать ограду нашего огорода. Зачем? Видимо, им так было “открыто”. Мог ли это предполагать старец Иларион? О его кротости и незлобии много ходило рассказов: был у него послушник отец Феолепнт, обладавший ужасным характером, мучивший старца, не давая ему пищи и питья, всячески оскорбляя, унижая старца. По рассказам очевидцев, отец Иларион кротко все терпел! Замечателен конец жизни этого “послушника”: в период гражданской войны он шел по горной глухой тропе, на него напали разбойники и распяли его, привязав правую руку и ногу с одной стороны тропинки, а левые – с другой стороны. Нашли его не скоро, мертвым. Видимо, не сразу умер, мучился долго. Старцы говорили, что это для покаяния Бог попустил ему такую казнь, чтобы перед смертью он осознал свой грех перед отцом Иларионом.

Гонения от имябожников вынуждали многих православных монашествующих уходить из “Темных буков” в более глубокие пустыни. Ушли схимники-отшельники. В воспоминание о них остались протоптанные ими лесные

тропиночки: чтобы не спать, но молиться, они всю ночь ходили с фонариками по лесу. На этих дорожках ощущалась какая-то особенная благодатная тишина, словно каждый буковый листочек был облагодухан молитвой.

Из-за нестроений прекратились богослужения в часовне, под которой покоился отец Иларион. Православных становилось все меньше. Службы совершались только в келье у матушки Веры, нашей начальницы. Молились по ночам, чтобы все кончить до рассвета: днем то и дело приходила милиция со словами: "Зачем вы тут живете? Тут — граница". Батюшка наш должен был скрываться, оставив келью, где жил отдельно с послушником. Его преследовали и имябожники, и обновленцы. Но мать Вера вела нас по-прежнему, строгим укладом жизни: подъем в 3 часа, полунощница, утренняя по четкам. После молитвы, в полном молчании, каждая принималась за свое послушание — кто за прялку, кто готовить пищу, а мне давали Псалтирь. После завтрака я занималась с неграмотными послушницами, в те времена грамотных было мало. Учили меня вязать носки, платки. Я была всегда удивительно неспособной к рукоделию. Носки все-таки выучилась вязать, единственный платок связала, много раз его распуская, переделывая. А вот прялку так и не одолела — почему-то у меня колесо прялки вертелось в обратную сторону??!

Все готовые связанные вещи сестры относили на себе (когда дорога позволяла) в станицы. На вырученные деньги покупалось для всех масло и сахар, соль. Муку охотно жертвовали, пока ее было много. Жили мы в двух отдельных домиках на расстоянии "вержения камня": в одном жила мать Вера с инокиней Вячеславой и ее сестрой Дуней, в другом — мать Людмила, мать Агния и я, грешная. За три недели до закрытия пустыньки меня перевели в отдельную келейку, рядом с матерью Верой, но, увы!.. Первого марта 1929 года, в четверг, на первой неделе Великого

поста, мы получили приказ “очистить площадь в 24 часа”. Мы буквально катились по снегу, меня везли на санях, Вячеслава бежала рядом. Уж как грустно было уходить в мир: сестрам – потому что давно здесь жили, а мне – потому что только начала! Скатились мы с гор в ближайшую станицу-аул Гладковскую, где жила мать послушницы Елены, в своем доме. Нас всех разместили; мне выпала удача быть в одной келье с матерью Верой, рядом – мать Вячеслава, Дуня, Елена, а во дворе – мать Людмила с матерью Агнией. Стали мы держать по-прежнему наш устав: подъем в 3 часа, по будням все службы по четкам, по праздникам с чтением и пением. Мать Людмила регентовала, у сестер были хорошие голоса; мне давали читать.

Интересно поведение имябожниц: когда и к ним пришла милиция с приказом о выселении, то они, во главе со своим духовником Патрикием, оказали сопротивление – в ответ на вопрос об именах они, вообразив себя мученицами первых веков, отвечали гордо: “Христианка!” – и имен не называли; вообще вели себя вызывающе, обличали, и в результате все были уведены в Краснодарскую тюрьму. О других насельницах ничего не знаю; где были наши батюшки, мы тоже не знали очень долго. Отец Стефан был в Грузии. Это я узнала уже позже, получив от него письмо, в котором мудрый старец предостерегал от новейшего раскола – “против митрополита Сергия”. Отец Стефан писал, чтобы “не отходили от Заместителя Патриаршего Местоблюстителя – митрополита Сергия, так как он – законный глава Церкви, а грех раскола не смывается даже мученической кровью”.

Итак, мы жили тихо, как мыши, весь пост в Гладковской. Я многому научилась в эти мои последние монашеские денечки от близкого общения с матерью Верой: она была неграмотной, но такой собранности, трезвения и духовного рассуждения я не встречала ни у кого. Когда моя мама

приезжала к нам в скит, то говорила: "Какое уважение внушает ваша наместница мать Вера!"

Мать Вера рассказывала о себе: «Пришла я в Покровский монастырь (в Екатеринодаре) юной, из станицы. Несла всякие послушания. Игуменья у нас была из купеческого звания, строгая. Одевая меня в рясу, спросила: "Молитву знаешь?" Я оробела, думаю, это про "Отчу" ("Отче наш")... пролепетала: "Знаю, матушка", – и игуменья дала мне четки. И вот надо было пережить и расстрел этой нашей матушки игуменьи в 1918 году, прямо на улице, среди бела дня (это был самосуд какой-то случайно налетевшей с гор банды); да, пришлось пережить и закрытие монастыря. И вот только когда пришла в скит, здесь мне старцы разъяснили, зачем монаху четки и о какой молитве спрашивала меня матушка».

Вела нас мать Вера очень строго, следила, чтобы не было лишних разговоров, особенно смеха. Мне попадало за мою мирскую привычку часто улыбаться. "Нельзя быть такой ласковой", – говорила мать Вера. И, зорко следя за нами, сразу вывела меня от матери Агнии, когда заметила, что та слишком привязалась ко мне. Поселила тогда меня, как я уже говорила, одну, в келье, примыкавшей стеной к ее келье. Но, увы! Закрылась за мной дверь моей милой келейки, и стала я с тех пор скиталицей – "поношением человека и уничтожением людей". Слава Богу за все!

Опять я отвлеклась, слезы застилают глаза, минувшее оживает и перелистывает свои скорбные страницы...

Дожили мы до конца Вербной недели. Нам из станиц дали знать, что хлеборобы станичные, узнав о закрытии пустыньки, сказали: "Матушков выгнали. Значит, мы должны их принять". И сразу стали перестраивать свои усадьбы, устраивая нам кельи. Спустились мы с гор в Кубанские степи, прошли много станиц и обосновались в Ивановской. Для матери Веры был построен отдельный домик

Монахиня Сергия в начале пути

(где она благополучно и прожила, скончавшись в 1945 году, как я узнала впоследствии). Матери Вячеславе, Дуне, мне отвели полдома. Ах, и тут была чудесная келейка у меня, с оконцем в вишневый сад. Но нет! Не было воли Божией на явное монашество!

Подходил 30-й год, “год великого перелома”, коллективизации. А мы, как страусы, прятали головы под крыло, желая во что бы то ни стало сохранить монашеский уклад жизни; о том, чтобы снять свои одеяния, и в голову не приходило. Когда мы шли по станице в церковь, то мальчишки указывали на нас пальцами и кричали: “О це тыхоновцы йдут” (тихоновцы). Помню, услышав

это, Вячеслава и говорит: “Ну, вот уже нам и прозвище готово”. Да... долго так продолжаться не могло.

Матушка Вера как-то благословила мне идти в соседнюю станицу Стеблиевскую читать Псалтирь, в день памяти, по просьбе. Эта станица была расположена около железнодорожной станции, и из Ивановской надо было сюда прийти, если ехать по железной дороге. И вот утром прибегают ко мне, читавшей Псалтирь, Вячеслава и Дуня с узелками, взволнованные. Говорят, запыхавшись: “Сейчас всех батюшек, наших сестер и хозяев, у которых жили, повезут на станцию, в Краснодарскую тюрьму...”

Мы сейчас же выпросили у добрейших моих старика и старушки молока, хлеба, теплых носков – и бегом на станцию.

Иеромонах Иувеналий (бывшего Нового Афона) и наша мать Людмила смотрели из окна вагона. Мы упросили конвой принять передачу. Людмила нам делает знаки в окно: уходите! Мы поклонились и ушли...

Вернулись мы, трое, к добрейшим старичкам, и эти самоотверженные люди предложили нам – троим – жить у них во дворе, в избушке. Мы с благодарностью согласились – идти было некуда!.. Стали жить затворницами, исправляя свои правила; хозяйева нас кормили, у них тогда всего было много. Они были очень благочестивы: вставали в 4 часа утра, читали полунощницу, утреню, часы... Но и это тихое пристанище было недолговечным.

На Введение пришел к нам батюшка из бывшей пустыньки. Увидев нас, заплакал: “Бродяги, бедные”. Заплакали и мы. Причастились... Расстались... Как мы тихо, незаметно ни жили, но чувствовали, что подводим добрых хозяев... Жили на вулкане: “Надо уходить!” Куда? Дошли слухи, что в станице Поповичевской еще целы монахини монастыря святой Марии Магдалины и готовы нас принять. Со слезами простились мы с хозяевами

и пошли на станцию. Это был день моего Ангела – святой мученицы Татьяны.

С тоской смотрела я в окно вагона; в тучах низких, темных, нависших я вдруг заметила тонкий большой золотой Крест: думаю – отблеск какой-то? Нет – и так наклонюсь, и с другой стороны – висит в тучах Крест...

Через 2 часа приехали, и что же? Идут те монашечки магдалиновские, все под конвоем... Идут бодро, спокойно, увидев нас, радостно улыбнулись... Стали мы обниматься, целоваться. Конвой из местных, знакомых, хохочет: “Дывысь, дывысь, матушки в кутузку йдут, як на праздник”. А монашечки говорят: “Мы рады, мы идем за Христа!”

Увели сестер магдалиновских. Темнеет. Холодно. Вошли мы в тесный, прокуренный вокзальчик. Вокруг железной печки прыгают, греются оборванные мальчишки. И мы стали греться.

Молчим. Что делать? Куда? И тут входит мать Ксения, оставшаяся от магдалиновских сестер. (Это поразительно! Всегда и везде кто-нибудь оставался: при одинаковых условиях Господь давал каждому свое индивидуальное послушание в жизни. Это так укрепляло веру в Промысл Божий: “Око Мое над тобою”.)

Мать Ксения, увидев нас, забрала к себе, в телегу, и привезла в дом своих родителей. Там была и маститая седая красавица – монахиня Зоя, тоже магдалиновского монастыря.

Нас согрели, накормили. И приземлились мы тут. Опять стали держать свое молитвенное правило, но уже тут хозяйками были магдалиновские, и мы все вычитывали по книгам. Слава Богу, книги были целы. Пожили мы так более или менее спокойно, но душа томилась без Святого Причастия. Будущее – все в грозowych тучах, надо приготовиться...

И надумали мы ехать и искать хотя бы батюшку православного, чтобы причаститься запасными Дарами; храмов не было, а если где еще и оставались, то обновленческие.

Обновленцы не признавали монашества; нарушая Соборные постановления, они ввели женатый епископат и были нашими первыми гонителями и предателями. Православные молились в молитвенных домах, но к этому времени все они были закрыты.

Сестры, все природные казачки, ловко запрягли коня в арбу, набросали соломы, надели тулупчики овчинные, Вячеслава села за кучера, и застучали колеса по замерзшей, но бесснежной Кубанской степи: поехали мы искать Господа!

По дороге заехали в Стеблиевскую к милым старикам: увы! за нами приходили и с досады взяли старика и наши стеганые безрукавочки. Как безропотно вынесла это испытание старушка-хозяйка, ни словом нас не упрекнула! К счастью, старика очень скоро освободили. Поехали дальше. Вот большая станица Славянская, ее пересекает река, приток Кубани. Приехали к знакомым, спрашиваем, где батюшка протоиерей Николай? — “Вчера взяли”. Переночевали вповалку, утром поехали дальше; весь день ехали, под вечер на пароме переехали реку, в темноте добрались до станицы, разыскали знакомых. “Есть батюшка?” — “Нет, вчера взяли”. Переночевали на теплой русской печи, утром ранним, до рассвета, обратно, опять на пароме. По дороге опять заночевали в Стеблиевской. И тут Господь меня утешил: в тонком сне ко мне подошел, как живой, отец Иоанн Кронштадтский с Чашей в руках — причастил меня... Пришла в себя обрадованная, укрепленная... усталости как не бывало. Вернувшись к матери Зое и Ксении, узнали, что все скиты по Черноморскому побережью закрыты, все монашество и все мирские православные — наши друзья — привезены пароходами в Новороссийск, в тюрьму.

И тут я сказала: “Чего еще дожидаться? Благословите меня ехать — носить передачу”. Сначала все испугались, стали отговаривать, потом благословили, нагрузили кринками с молоком, сметаной, варениками, отвезли на станцию.

Приехала я в Новороссийск, город, овеянный для меня светлыми детскими воспоминаниями: сюда мы приезжали всей семьей на лето, потому что в шести—семи километрах от города по Сухумскому шоссе была на берегу дача моей бабушки — поэтессы-народницы Анны Павловны Барыковой. Здесь она и умерла, и похоронена была в саду. Теперь от этого остались одни воспоминания — “единственный рай, из которого нельзя изгнать”. Остановилась я у знакомых — высоко, на горной стороне города, раскинувшегося вокруг огромного залива. Отсюда тюрьма была очень далеко, на противоположной стороне, внизу, у “косы” — узкой полосы берега, вдававшегося в море и отделявшего залив от открытого моря.

Семья тех, к кому я приехала, была особенная. Стоит об этом сказать: отец (в то время был проводником на железной дороге) в молодости был послушником рясофорным Симоно-Кананитского Ново-Афонского монастыря; рассказывал он о себе, что в те времена был умеренно “ревностным подвижником”, самочинно читал по ночам акафисты, клал много земных поклонов, без благословения старца. И вот как-то обратил внимание в храме на женщину, все службы стоявшую на коленях у двери. “Умилилось, — говорит, — мое сердце; всегда на коленях — какое смирение (?!)”. Познакомились. Она оказалась вдовушкой. Остальное состряпал враг: “смирренная вдовушка” вывела ревностного монаха из обители; поженились. Самое интересное то, что он был писанным красавцем, а у нее все лицо изрыто оспой.

Было у них три дочери и сын, все воинствующие безбожники. Но она, Пелагея Поликарповна, сознавая свой грех, спасалась добрыми делами, посещала больницы, бедных, одиноких. В прежнее время, по ее словам, они с подружками перед Пасхой всю ночь варили в котлах еду, а утром на телегах въезжали в тюремный двор и разносили

пищу по всем камерам. Так разрешалось. Она и сейчас уже носила передачу нашим общим знакомым, знала, где сидит. Надо было много мужества, чтобы в такое время и имея таких взрослых детей принять меня. Мы с Пелагеей Поликарповной стали вместе носить передачу, вместе готовили. Но я опасалась детей и приискала другие пристанища.

В тюрьме, при передаче, мне удалось разыскать монахиню Серафиму Покровского монастыря, откуда были и мать Вера с сестрами. Мне о ней много рассказывала мать Вера. С матерью Серафимой были в заключении и ее родные сестры, мать Рафаила и Анна. Жили они до этого в глубокой пустыни, за Адлером. Мать Серафима страдала язвой желудка, подолгу лежала в тюремной больнице. Передала я ей диетическую пищу и получила ответ: "Кто ты, Богом посланный?" Мать Серафима ныне здравствует, она в схиме — Елена, живет в горах, над Сухуми.

В те времена особых строгостей не было, передачу принимали не только ежедневно, но и по нескольку раз в день. От заключенных мы получали обратно записки и даже вещи, чтобы починить, постирать. На нас, приносящих, никто не обращал внимания (из охраны); бывало, принесем обед, получим обратно записки, но не уходим, толчемся возле ворот, на ледяном ветре (знаменитом новороссийском норд-осте) — хочется что-нибудь узнать, услышать — когда этап? Иногда удавалось и увидеть хоть издали.

Вот как-то получила я ответ от матери Рафаилы, и в корзинке, кроме записки, была еще какая-то кофточка. Стою, недоумеваю, зачем это? Вижу, ведут Рафаилу с сестрами мыть окна в наружном корпусе охраны. Поставила Рафаила лестницу, влезла, моет окно. Я стою, жду, когда конвоир отойдет подальше. Выждала момент, спрашиваю: "Рафаила, зачем кофта?" Суровый ответ: "Эх, непонятливая". Подошел конвоир. Я умильно сунула ему папиросы.

Отошел. Стою... Рафаила трет стекло; буркнула: "Пояс распори". Ах, вот в чем дело!

Ушла. Но куда идти на ночь? К Пелагее Поликарповне боялась — уж очень дочери агрессивно держали себя. Вообще, в то время рельефно выделялись "отцы и дети": отцы, вернее матери, были радушны, так как знали, что передачу носим невинным людям (что и подтвердилось потом вполне, так как все те, кому мы носили, кто прижизненно, кто посмертно, реабилитированы); молодежь была настроена против нас, считая нас отжившим, вредным элементом, из-за которого можно и под неприятности попасть.

Поэтому меня мамыши-хозяйки прятали. Например, в одном доме, у одной доброй верующей женщины, меня, покормив, уводили до прихода молодых в сарай. Там был устроен уголок, где сама хозяйка молилась: досками была отделена небольшая часть сарая, стояла там койка, железная печурка, в углу — образ и лампада. Сюда меня приводили, разжигали печурку и запирали снаружи замком. Помню, заснув как-то сразу от усталости, проснулась от холода глухой ночью — печурка погасла. Тишина. И вдруг где-то, словно внутри, за дощатой перегородкой сарая слышался хохот, сначала как бы издали, все ближе, ближе, вот совсем около меня — громкий, злой, бесовский хохот. В такие моменты все молитвы забудешь: твержу только имя Пречистой Девы — Царице Небесная, Приснодево Богородице!!! Хохот удаляется, вот его зловещие раскаты уже далеко, и опять — тишина... Насилу тогда утра дождалась...

Ну, так вот, пришла я с той кофтой на одну из подобных ночевок, распорол пояс. О, Боже! Там была защита узкая холщовая полоса, вся разделенная на кусочки, исписанные разными руками, — это были прощальные письма заключенных, уходивших завтра на этап в Хабаровские лагеря.

Вот такие письма: "Дорогая мамочка! Завтра нас отправляют в Сибирь, в Хабаровск. Ничего, родная, не горюй —

Бог везде, встретимся. Береги мою доченьку и себя. Целую, перекрести меня, душой с вами". — Адрес.

Другое письмо: "Дорогие деточки! Завтра с этапом еду на десять лет в Сибирь. Не ропщу, и вы не ропщите — воля Божья..."

И так далее.

Я должна была все эти слезные слова переписать и разослать по адресам. Что и сделала...

Но от трагического до смешного один шаг. Были и такие истории: стоим как-то у ворот, ждем начала передач. Подходит пожилая монахиня, стучит. Из-за двери — недовольный голос сторожа: "Чего стучишь? Не время еще передачам!" А она: "Мне не передачу — меня возьмите!" Дверь распахивается, сторожа с удивлением смотрят. А пришедшая со слезами умоляет: "Возьмите меня, я же не Иуда какой-нибудь Искаротский! Нас на Красной Поляне (за Адлером) жило 12 сестер, я в лес пошла, прихожу, а сестер взяли. А я вот осталась, я же такая, как они. Возьмите меня!" Сторожа ухмыляются, головой покачивают, говоря: "Мы никого не берем. Иди в исполком". А матушка в ответ, уже не без досады: "Да зачем я пойду в бестолком?! Моих сестер, я знаю, Жипива (ГПУ) взяла. Где у вас тут главная Жипива?!" Громоподобно загрохотали сторожа! Даже в скромной стайке принесших передачу — робкие, смущенные улыбки... На шум прибежал старший дежурный: "Что здесь такое?" Узнав, кусая губы, еле удерживаясь от смеха, призвал к тишине.

Так мы с этой "не Иудой", с этим настоящим "младенцем во Христе", и носили передачу всю зиму.

А то раз, освободили какую-то мирскую старушку; идет прихрамывая. Мы уж, конечно, окружили ее — ведь интересно-то как — человек из-за загадочной тюремной стены! Пошли расспросы, старушка оказалась разговорчивой:

сидела она только несколько дней. "За что?" – бабушка, не таясь, отвечает: «За кобеля какого-то. Соседка по злобе меня оговорила, будто я на берегу какого-то кобеля резала. Я говорю следователю: "Отец родной, да никакого пса на берегу и не было. И зачем бы я стала пса резать? В жисть никакого пса не обидела"». Ничего мы не поняли, а уже после узнали, что эта старушка полоскала белье на берегу, в запретной зоне, и ее умудрились обвинить, что она "пыталась перерезать подводный кабель!"

Да, время было нескучное.

В одно серое хмурое утро принесли мы передачу в мужскую камеру. А у нас не принимают: "Нет никого, ночью этап был!" Ну уж нет! Нас не проведешь, даром что ли мы здесь толчемся? Этапы тогда были открытые и всегда днем. Что-то не то. Сердце защемило.

Не скоро у медсестры, работавшей и в тюремной, и в городской больницах, мне удалось спросить об этом. Она уклончиво ответила, что, мол, вещи монахов лежат теперь с вещами тех заключенных, которые умерли в тюремной больнице...

Время шло, а нашим этапа все не было. Томились они в неизвестности, томились и мы. Я тоже хотела, чтобы меня взяли, – уж очень трудно было, все сложнее становилось с ночевками. Задержка этапов объяснялась тем, что в это время обнаружены были какие-то злоупотребления на Соловках. Все, кто были направлены в Соловки, дожидались нового указания, так как в Соловецкие лагеря были запрещены этапы.

Уже весна. С гор потянуло ароматом свежей зелени. Там, я знаю, уже расцвели дикие тюльпанчики, гиацинттики!..

И вот начались проводы. Нам удавалось следовать за толпой наших знакомых, окруженных, конечно, конвоем,

до каботажной пристани, где их грузили в теплушки. Оттуда – на вокзал железной дороги.

Помню последний этап: мы целый день носили передачу, кормили, обменивались словами. Никто не запрещал. Тогда было так. С каботажной (то есть пригородной пристани) бегом – за теплушками, на вокзал. Монашечки, мне незнакомые и знакомые, долго сидели на перроне. Мы уж, конечно, поближе к ним притиснулись. И та, милая – “не Иуда”, тоже тут была, провожала и плакала. Посчастливилось мне услышать разговор: одна из монашек громко спрашивает другую: “Мать Алипия, а мать Алипия?” – “Чего тебе?” – “Ты что это никак нос повесила? А ты вот что мне скажи: сколько у тебя шапков (то есть шапок) было-то?” – “Шапков? – три, две бархатных”. – “Так! А самоваров сколько?” – “Самоваров – два”. – “Ну, вот видишь, мать, мы хотели за Христом да с возом! А вот, спасибо начальникам – отцепили от нас воза-то. А с котомочками куды легче”. Тихий сдержанный смех, кроткие улыбки, светлые, спокойные лица. Чувствуется непоколебимая уверенность в Промысле Божиим – “Чашу, юже даде Ми Отец, не имам ли пити?” – “Злоумышляют фарисеи, предает Иуда, Пилат повелевает... Чашу подает тебе Отец Всеблагий и Премудрый” (епископ Игнатий Брянчанинов. Чаша Христова. Т.1). Так пили Чашу истинные рабы Христовы, и я благодарю Бога, что сподобилась видеть это воочию.

Всех проводили!..

Задумалась я о себе. Укажи, Господи, путь! Вторая группа инвалидности давно кончилась. Надо было уезжать и поступать на работу. Уезжая, последний раз оглянулась на огромный залив, обрамленный родными горками. Грозно клубились тучи, скрывая вершины. Небо темное, море мрачное, рокошущее глухо. словно вся природа страдала, сокрушалась о чадах своих...

**Епископ Герман (Ряшенцев), священномученик
(1874—1937)**

Прощай, Кавказ!..¹

На работе, в больнице, меня быстро выдвинули на должность завуча курсов медсестер и преподавательницы русского языка. (Дело в том, что, окончив в 1918 году гимназию в Ростове-на-Дону, я поступила в том же году в

¹ В 1930 году м. Сергия с монахинями Серафимой и Вячеславой ехали в одну кубанскую станицу на праздник святой равноапостольной Марии Магдалины. На пути около станции Тоннельной их арестовали и отвезли в Москву, в Бутырскую тюрьму. Оттуда через несколько месяцев отправили в г. Кемь. В пересыльной тюрьме г. Кеми мать Сергия встретила великих молитвенников: епископа Германа (Ряшенцева) и схиигумена Серафима из Могилева. Продолжительное время м. Сергия лежала в тюремной больнице, затем работала в ней. Через два года была освобождена по болезни, вернулась в Ростов-на-Дону. Много из этого периода жизни монахини осталось сокровенным. Этим объясняется и пропуск в рукописи оригинала.

Донской университет, на историко-филологический факультет, где проучилась три года.) Увидели это по документам и назначили меня вести курсы; за эту работу премировали путевкой в мединститут. Вот тут я растерялась — еще этого не хватало! Что делать?..

Владыка Иннокентий умер, отец Стефан где-то в неизвестности. Моя духовная мать, сестра Владыки, монахиня Талида (в схиме Евфросиния, прожившая в Полоцком монастыре 35 лет), колебалась, боялась за меня. Но тут же мы вспоминали с ней слова Владыки о том, что нашему поколению монашествующих не дано будет монастырских стен. “Вы будете прослойкой христианства в миру — врачами, честными служащими...” И вот мать Талида благословила меня поехать на совет в Киев к схиархиепископу Антонию (Абашидзе⁴), прозорливому и очень опытному духовно.

Личность эта замечательная. Владыка Антоний в молодости был инспектором Тифлисской семинарии, в которой учился будущий Сталин. Этого ученика часто сажали в карцер, а добрый Владыка посылал ему покусать. Сталин помнил добро. Когда в волне общих арестов чуть было не захлестнуло и Владыку, то, узнав об этом, Сталин защитил своего доброго инспектора.

Владыка жил в Киеве на Кловском спуске, близ закрытой Лавры. Поехала я, разыскала его в маленьком домике, скрытом высоким забором. Владыка радушно принял меня. Был он такой чудесный, маленький, весь серебряный, с большими “восточными” глазами, глядевшими так приветливо и как-то молодо. Стала я рассказывать свою скорбную повесть о неудавшемся монашеском образе жизни, упомянула имя “отца моего от Евангелия” архиепископа Иннокентия (Ястребова).

Услышав это имя, Владыка Антоний встрепенулся и воскликнул: “Ах, хороший был монах!” Рассказываю я о том,

Схиархиепископ Антоний (Абашидзе)

как не хочется жить в миру, а вот слышала я, что в Болгарии есть православные обители. Может быть, мне как-нибудь пролезть туда? (Вот дура-то была!) Да, еще, говорю, осложнение – я медсестра, работаю, а меня заставляют повышать квалификацию, учиться на врача, целая комиссия уговаривает, а я не хочу!

Как только слуха Владыки коснулись эти слова об учебе, он словно преобразился: глаза его засияли каким-то внутренним светом, он встал и, подняв свои прозрачные ручки в архиерейском благословении, сказал: “Учитесь, учитесь, учитесь. Служите Богу на этом святом поприще. Не всем дано быть исповедниками, но у каждого есть свое послушание от Бога”. Я смутилась – смогу ли я, давно не училась, новые требования... А Владыка твердо сказал:

“Догонишь и перегонишь! Сдай всю форму; обедать будешь со студентками, перекрести ложкой тарелку и вкушай с Богом. В общежитии если будешь – ложась спать, перекрестись под одеялом и спи с Богом. Но – тут глаза Владыки опять засияли – помни: в тот тайник, в котором у тебя Христос, туда не пускай никого! Помнишь слова апостола Иоанна Богослова: “Дети, храните себя от идолов”? Ты думаешь, о каких идолах говорил апостол? Не об истуканах: он писал христианам, высоко духовно развитым. Это – о мысленных идолах. Их не пускай”.

Это проникновенное архиерейское благословение и осеяло меня во время учебы в Московском мединституте.

Вошла я на подготовительные курсы с туго закрученной косой (огромной), в строгой “английской” кофточке. А в это время все были стриженными по моде, сильно намазанными всякой косметикой. Меня сразу прозвали... “мать Манефа”. Но охранявший меня Промысл Божий так устроил, что мне пришлось стать помощницей учащихся по русскому языку. И на вступительных экзаменах “мать Манефа” получила похвальную грамоту. В ней было написано: “За отличные успехи и товарищескую помощь, особенно по русскому языку”.

Учиться мне приходилось “без отрыва от производства”. А это своего рода “аскетика” и “умерщвление плоти”, в современных условиях: жили мы с мамой в 30 километрах от Москвы, в Красково, Казанской железной дороги. Больничный городок был расположен на расстоянии километра от станции; электричек еще не было, ходили паровые поезда. Работала сначала в инфекционном отделении, потом в клинической и санитарно-бактериологической лаборатории. Училась по ночам. Вот тут-то мне пригодилась привычка мало спать.

На учебе жили дружно, но многие продолжали звать меня “мать” – ласково, уважительно. Я беспокоилась, как

у меня пойдет дело с общественными науками. На первых курсах у нас был по этим предметам совершенно слепой преподаватель. Хоть он был и незрячий, но сразу “учуял” меня и говаривал обо мне: “Слышал я, что она – идеалистка. Нет, это – комплекс идеализма!” Несмотря на это, я у него была на лучшем счету, и он откровенно одобрял меня: “Послушайте, как она мне Канта изложила!” К сожалению, этого преподавателя сменил другой, зрячий, не обладавший такой объективностью. Этот не переносил моего духа, прямо корчился на стуле, слушая меня; говорил, что от меня веет “чем-то поповским”, “келейным” и что он ни за что не пропустит меня на государственных экзаменах.

Но и эта гроза миновала... и все кончилось хорошо.

Надо сказать, что вопрос о религии никогда не поднимался. Такая тогда была полоса.

Вот внешние вехи одной жизненной трассы... Много, много путаных дорог тех, кто по зову Господа в молодые, но грозные годы пришли, “припадая к святому жертвеннику”, – “желая жития постнического”. Вот об одной из таких дорог и рассказала я. Это, по существу, “плач мой”, “невидимые миру слезы”. Ты, Сердцеведец, Один Ты, Господи, знаешь, что скрывали эти внешние вехи; каких борений с лютым, коварным врагом стоила эта дорога.

Тебе, Творцу и Создателю, угодно было дать нам опытно узнать истину слов о том, что, если отец и мать оставят нас – “Аз не оставлю...” Опытно познавалась в горниле искушений Державная сила Пречистой Преблагословенной, Первой Монахини – Пресвятой Богородицы.

Раскрывалась собственная немощность, способность ко всякому греху и падению, но – тут во всем величии вставала “Нерушимая Стена”! Близкими и жизненными становились слова акафистов, ранее казавшиеся не вполне понятными: воистину Она – “демонов попрание”, действительно “от

Архиепископ Иннокентий Ястребов (справа) со своим учеником архиепископом Иннокентием Летяевым

имени Ея демоны тают...” “Изумевает ум премирный пети Тя, Богородицу” – “неусыпную Попечительницу сущих в изгнании”. Становилось понятным, почему в те времена, когда монашество шло в подполье, такие крупные иерархи, как, например, архиепископ Варфоломей⁵ Высоко-Петровского монастыря в Москве, и мой “отец от Евангелия” архиепископ Иннокентий (старейший, постоянный член Святейшего Синода, магистр богословия), и другие, имели патриаршее благословение на постриг молодых послушниц: если Вы, дорогая Матушка, вы, счастливицы, дожившие до истинного счастья быть явными монашествующими, вы получаете

постриг как естественное логическое последствие трудов монастырских, вы облакаетесь в мантию как в заслуженную награду, то мы, несчастные, мы ничего не заслужили еще. Тогда нас покрывали ризой спасения как необходимым в бою панцирем, броней... И “шлем спасения”, и “меч духовный” нам были даны, так сказать, “в кредит”, да не погибнем безоружными среди грядущих бурь! И вот когда оказались мы “обломками крушения”, разбросанными в пучине мира, то в этом вавилоне спасла нас наша прикованность к якорю спасения – постригу.

Владыка Иннокентий был, если можно так выразиться, идеологом монашества: с воодушевлением читал он нам “Послание к скорбящим инокам Индии” преподобного Иоанна Карпафийского: “Монахи – это нервы и опора Церкви”; “никогда, монах, не позавидуй мирянину, живущему с женой и детьми, делающему добрые дела и получающему похвалу от всех. Твои слезы, монах, твои борения и вздохи дороже Господу всех добрых дел мирянина”.

Не были ли эти слова – для меня, оставшейся одной в миру, – хлебом насущным? Ими я питала свою голодную душу и “питие мое с плачем растворяла”.

За два года до приезда Владыки Иннокентия на Кавказ я, живя и работая в Кисловодске, ходила во Второ-Афонский Успенский монастырь на горе Бештау (в 10-ти километрах от Пятигорска). Основан он был в 70-х годах прошлого века схиигуменом Герасимом⁶, пришедшим со Старого Афона¹. Среди братии было много афонских монахов. Устав был строгий, всенощная продолжалась семь часов.

В юные годы поступил в этот монастырь Митя Игнатенко – будущий иеросхимонах Стефан. Он рассказывал о себе, что учился в церковно-приходской школе. “Учили

¹ В этом месте возможна неточность, так как общепринято считать, что иеросхимонах Герасим прибыл с братией в новостроящийся Второ-Афонский монастырь в 1904 г.

Пятигорск.
Второ-Афонский Успенский монастырь, у г. Вештау.

Второ-Афонский Успенский монастырь

нас так: сначала вели к утрени, а потом завтракать, и во время завтрака читали нам жития святых. И запали мне в сердце особенно два жития – житие святого Алексия Божьего человека и преподобного Антония Великого. И загорелось сердце любовью к монашеству”.

Отца его убили черкесы, мать скоро умерла, и в возрасте 12-ти лет отрок со старцем поехал на Старый Афон. Недолго там пробыл и по возвращении припал к стопам схиигумена Герасима, прося принять его в число братии Успенской обители.

Я пришла на богомолье в эту обитель в 1923 году, когда вокруг разливалось море обновленчества, этого духовного оппортунизма, и только Свято-Успенская обитель твердо стояла и высоко держала знамя Православия.

Иеромонах Стефан в это время заменял настоятеля, а в момент нашего прихода пек просфоры. Со мной пришли

две молодые девушки – одна бывшая “толстовка”, другая просто дочь “толстовца”. После первой беседы отец Стефан со слезами надел на них кресты, потом исповедал нас и причастил. У отца Стефана, несмотря на его малое образование, был удивительный дар рассуждения. В те годы – первые два десятилетия нашего века – Кавказ был наводнен множеством вольнодумной интеллигенции: тут были и сектанты, и толстовцы, и теософы, и просто “ищущие истину”, потерявшие ее, разорвав связь с Православной Церковью. И вот эти “совопросники мира сего”, некоторые, учившиеся в Сорбонне, знавшие по пять языков, склоняли головы пред простым, неученым монахом, оставляя у ног его все свои мудрования.

Мне рассказывала моя родственница (в будущем монахиня Серафима¹) о своем обращении. Надо сказать, что она обладала исключительным умом, окончила какие-то философские курсы и до того замудрилась, что стала сама, собрав кружок, систематически толковать Послания апостола Павла, *только* на основе собственного восприятия!! Мы насилу уговорили ее пойти к отцу Стефану, когда он приехал к нам в Кисловодск. Пошла она в полном сознании своей “ценности” и “права” толковать Священное Писание. И вот, говорит, только я услышала его “благоуветливые словеса”, как с меня ощутимо, прямо физически, стала сползать какая-то “чешуя”, я затрепетала и в ужасе, во всю глубину и широту осознала ложь моего пути.

Я тоже пришла к отцу Стефану не какая-нибудь, а с “подвигами”. За год до этого мне попались в руки книги “Невидимая брань” Никодима Святогорца и “Письма о духовной жизни” епископа Феофана. Эти книги принесли мне существенную пользу, но по горячности нрава и

¹ Монахиня Серафима (в миру Софья Дмитриевна Корде, 1883 – 1951) была пострижена Владыкой Иннокентием в 1925 г.

неразумию я сразу круто начала: пошла на подворье Пензенского монастыря в Кисловодске к монашенкам за четками. Ну, конечно, они не дали. Я не растерялась — купила крупной фасоли, навязала себе из них четки длинной с метр и давай подвизаться: вставала ночью, читала Страстные Евангелия, запостилась и т.д. Конечно, при первой беседе все подвиги пошли прахом и фасолевыми четками были отобраны. У меня было ощущение, что отец Стефан поставил меня на рельсы, надел на меня нужную, по моим размерам, рабочую одежду.

Когда приехал Владыка Иннокентий с сестрой монахиней (закрытого монастыря преподобной Евфросинии Полоцкой) Талидой, то я стала им служить: носить воду, стирать. Не обошлось и тут без крайностей, с моей стороны: топила я им печку мелким углем, а сама потихоньку “подвизалась”; вычитав где-то, перестала умываться. Узнав об этом, добрейший Владыка (он был духовным сыном известного схиархимандрита Гавриила⁷) напустил на себя строгости, позвал меня и прочитал: “Если молодой подвижник очень быстро поднимается на небо — дерни его за ногу”; послал меня умыться, объяснил, что я только тешу свою самость такими крайностями, “не зная своей меры”.

О золотые дни, о дорогие учителя, где Вы?

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской — их нет,
Но с благодарностию — были!

(В. Жуковский)

Царство им Небесное!..

Я потому так подробно останавливаюсь на этом периоде, что именно тогда был заложен фундамент. Господь,

послав мне, недостойной, Своих дивных слуг, окружил меня, новоначальную, атмосферой чистоты, благоговения, жаждой спасения. И я, живя в мире, не видела тогда мира, не замечала его.

А вот теперь в Москве, снова в миру, одна... И прав Владимир Соловьев, говоря о таком "втором периоде":

Рассеялся туман, и ясно видит око,
Как труден горный путь,
И как еще далеко,
Далеко все, что грезилось мне...

Да, грезилось, а теперь надо было увидеть себя и все выстрадать. Надо было убедиться на себе в непреложности духовных законов, неуывдаемой истине учения святых отцов.

"Глубже помыслов лежит в сердце змий", — говорил преподобный Макарий Великий. Надо было почувствовать, как оживает этот скрытый змий и как бездна внезапно открывается у самых ног. Только Покров Пречистой охранял. Но от нас требовалось произволение... произволение сохранить обет. Были моменты, когда он ощущался как цепь, на которой билась трепещущая душа... Но, благодаря тем дорогим учителям, сознавалась несокрушимость и необратимость обета.

"Мы, монахи, воины", — слышала я впоследствии от старца, иеросхимонаха Вырицкого — Серафима⁸. От всей души, ни на волос не осуждая, но скорбя, выслушивала я рассказы тех, кто, не имея поддержки, "под давлением обстоятельств", пошатнулись. Одна из таких делилась со мной: "Были мы на вольной высылке... Он — монах, как-то мне щепочек поколот, а я ему пуговку пришила". И — все. А то как-то, работая, вошла я в палату больницы и увидела новую немолодую больную с прелестным младенцем. Я подошла, стала ласкать

Врач-фтизиатр
Татьяна Ивановна Клименко

ребенка и, увидев крестик, сказала: “Да какая ж ты умница – и с крестиком”. А мать не без гордости добавила: “Еще бы! Ведь моя Любочка из духовных”. – “Да, – обрадовалась я, – Вы, значит, матушка, жена священника?” – “Нет, – невозмутимо ответила мамаша, – я – инокиня...” Ох! Вот это результат отсутствия правильных понятий.

Пора кончать.

Не осталось у меня свидетелей моей жизни. Многое из Кавказского периода мог бы подтвердить очевидец, архимандрит Иеремия Лебедев – казначей Патриархии (при Святейшем Патриархе Алексии). Отец его, протоиерей Алексей, был долгие годы настоятелем собора на моей родине, в Ростове-на-Дону. Я дружила с его сестрой, девицей Александрой.

Архимандрит Иеремия (Лебедев)

Но с Владимиром Алексеевичем, будущим архимандритом, мы познакомились под крылышком Владыки Иннокентия, в Кисловодске. Владимир Алексеевич посещал Владыку, был его преданным учеником и под влиянием Владыки стал готовиться к монашеству. После смерти Владыки, скончавшегося 22 мая (старого стиля) 1928 года, будущий архимандрит поступил в Покровский монастырь в Москве.

Долгие годы мы ничего не знали друг о друге. Только в 1945 году, приехав ненадолго в Москву, я в Богоявленском соборе узнала в совершающем Литургию священнослужителе нашего дорогого "Афре". (Так прозвала мать Талида Владимира Алексеевича за его послушливость — помните, в каноне всем преподобным в Сырную субботу — "послушания же светы Афре и Акакие".) Как он обрадовался, увидев меня после службы. Тут только я узнала, что он архимандрит Иеремия. Приходила я к нему в Чистый переулок. Бывало, сразу запрет все свои ящики, выйдем мы с ним в коридор, сядем в уголок и уходим в мир

воспоминаний. "Как было хорошо тогда, в Кисловодске, под крылышком Владыки", – повторял отец Иеремия.

И, безусловно, когда пришло бы время, отец Иеремия устроил бы меня в какую-нибудь обитель. Но... в 1951 году умирает мать Серафима, в 1952 – моя мама. С их кончиной я освободилась от служения миру, содержать мне больше некого было. И сама я слегла в больницу. И там 1 марта 1953 года получила скорбную весть, что наш родной "Афре", отец Иеремия, скоропостижно скончался в ночь на Неделю Православия⁹. Отсюда я сделала вывод, что нет воли Божией на мое явное монашество. Положено мне "пить очистительное питье" бесчестий, быть, по словице, – ни в городе Иван, ни в селе Селифан.

Слава Богу за все!

Аминь.

Примечания

¹ Покровский женский монастырь в Екатеринодарском отделе Кутаисской епархии основан в 1899 году как женская община; с 1904 года преобразован в монастырь.

² О ските, или пустыньке "Темные буки", есть упоминание в книге "Старец Феодосий Иерусалимский, Северо-Кавказский чудотворец (1800–1948 годы). Житие: подвиги и чудеса". М., 1994, с. 17, 22.

³ Булатович Александр Ксаверьевич (1870–1919), иеросхимонах Антоний. В 1891 г. закончил Александровский лицей в С.-Петербурге. Зачислен в лейб-гвардии гусарский полк 2-й кавалерийской дивизии, ротмистр; путешествует по Абиссинии, пишет ряд книг об этом. В 1906 г. принимает постриг с именем Антония, уезжает на Афон, в 1910 г. рукоположен во иеромонахи. В 1913 г. покидает Афон ("афонская смута"), с 1914 по 1917 г. – священник отряда Красного Креста. Запрещен в священнослужении Патриархом Тихоном. В 1919 г. убит в своем имени.

⁴ Схиархиепископ Антоний (1867–1942) – в миру грузинский князь Давид Ильич Абашидзе. Окончил Новочеркасский университет. В 1892 г. принял монашество с именем Димитрия. В 1896 г. окончил Казанскую

Духовную академию с ученой степенью кандидата богословия и был рукоположен в священный сан. С 1897 по 1902 г. пребывал на педагогической и административной работе в Духовных учебных заведениях.

С 1902 по 1903 г. — епископ Алавердский в Грузии. Затем пребывал на целом ряде архиерейских кафедр. Много сил отдавал благотворительной работе. В 1912 г. назначен епископом Таврическим и Симферопольским. В 1914 г. добровольно отправился на флот, служил рядовым корабельным священником Черноморской эскадры. С 1915 г. — архиепископ.

В 1919 г. эмигрировал за границу, но ненадолго. В 20-е годы Владыка приехал в Киев, жил в Киево-Печерской Лавре до ее закрытия, потом в Китаевой Свято-Троицкой пустыни, пока не закрыли и ее. Принял схиму с именем Антония.

Грузинского архиепископа в Киеве очень любили за доброту и человечность. Он очень часто говорил: "Епископская власть дана мне не для того, чтобы наказывать, а чтобы прощать".

Во время войны, когда советские войска уже оставили город, а немцы еще не заняли его, монашествующие вернулись в свои обители. Вернулись и лаврские монахи, и владыка Антоний возглавил древнюю обитель. В 1942 г. он умер и был погребен возле Крестовоздвиженского храма у входа в ближние пещеры.

В Киеве схиархиепископа Антония почитают как великого подвижника, молитвенника и прозорливого старца.

⁵ Архиепископ Варфоломей (в миру Николай Федорович Ремов), родился 16.10.1888, расстрелян 10.7.1935.

⁶ Отец Герасим, схиигумен (в миру Глеб Петрович Попов, 24.7.1859—?). До 1904 г. настоятель Иоанно-Богословской келлии Хилендарского Славяно-Сербского монастыря на Афоне.

⁷ Схиархимандрит Гавриил (в миру Зырянов Гавриил Федорович, 1844 г., Пермская губерния — 1915(16) г., Казань) — старец Спасо-Елеазаровой пустыни, основанной в 1447 г. преподобным Елеазаром, в иночестве Евфросином.

⁸ Старец иеросхимонах Серафим Вырицкий (в миру Муравьев Василий Николаевич, 1865—1949).

⁹ Архимандрит Иеремия похоронен на Немецком (Введенском) кладбище, недалеко от могилы митрополита Трифона (Туркестанова). Полностью приводим текст некролога, посвященного памяти архимандрита Иереми:

«1 марта 1954 года исполнилась годовщина со дня кончины казначея Московской Патриархии архимандрита о. Иереми (Лебедева).

Это был человек исключительных духовных и нравственных достоинств, очевидных для всех, с ним соприкасавшихся.

Всегда ясный, открытый и уравновешенный, он не знал, по отношению к людям, ни гнева, ни вражды, ни раздражения и даже одним

своим внешним обликом, исполненным внутреннего покоя и величия, привлекал к себе сердца окружающих.

«Это был человек, который не знал врагов», — сказал о нем Святейший Патриарх Алексий, любивший и высоко ценивший о. Иеремию.

Родился о. Иеремия (в миру Владимир Алексеевич Лебедев) в 1885 году в г. Пскове, в семье священника. Среднее образование получил в Псковской духовной семинарии, а высшее — на юридическом факультете Харьковского университета.

Но для В.А. Лебедева выше всего была вера в Бога и стремление послужить Ему всей своей жизнью. И вот в 1928 году Владимир Алексеевич оставляет мирскую жизнь, поступив послушником в Покровский монастырь г. Москвы. Подвиги послушания вскоре привели его к принятию обетов монашества с именем Иеремии, а затем посвящению в сан иеродиакона и, наконец, иеромонаха.

Спустя ряд лет, Святейший Патриарх Алексий привлек о. Иеремию к новым послушаниям, возложив на него служение в Патриаршей Крестовой церкви и должность казначея Московской Патриархии. Здесь за свои достоинства он был возведен в сан игумена, а затем и архимандрита.

Внезапная кончина о. Иеремии потрясла всех, кто его знал, и когда в Успенском храме быв. Новодевичьего монастыря Святейший Патриарх говорил надгробное слово, ему внимало множество людей, собравшихся проводить о. Иеремию в последний путь.

Теперь, спустя год после его кончины, мы, знавшие о. Иеремию, вновь вспоминаем его, но уже с верою, что теперь не он нуждается в наших молитвах, а мы жаждем его предстательства перед Богом» (Архимандрит Пимен, Наместник Троице-Сергиевой Лавры. Журнал Московской Патриархии. 1954, № 3).

Далее приводится малоизвестная запись из архива монахини Сергии, сделанная Марией Алексеевной Лебедевой, сестрой архимандрита Иеремии.

«После смерти архимандрита отца Иеремии Лебедева среди оставшихся после него бумаг мною найдена записная книжечка, в которой он лично своей рукой записал свои переживания. Вот что он записал:

«18-го июля 1921 года я был на грани между жизнью и смертью и чуть было не отошел ко Господу...

12-го июля я почувствовал недомогание, озноб, повышение температуры и 13-го слег в постель. Обнаружился у меня возвратный тиф, какой-то странной, бурной формы. Температура поднялась до 40 градусов, и появилось бредовое состояние — окружавших меня узнавал, но комнаты своей не мог узнать.

18-го числа в воскресенье, часа в 3 дня, я почувствовал себя дурно, сердце стало отказываться работать. Послали немедленно за врачами,

лечившими меня (один из них – профессор Якушевич), которые принялись меня спасать. Положение было очень и очень тяжелое, и было много моментов, когда для окружающих меня становилось ясно, что положение мое безнадежное (с земной точки зрения). Впрыскивали мне камфору, ставили пиявки и прочее. И лишь только к полночи критическое и даже катастрофическое положение миновало и определилось, что я буду жить.

Я так физически чувствовал себя плохо, да и доктор не отрицал тяжелого моего положения, что я совершенно примирился с мыслью о смерти, позвал близких и простился с ними.

А дух мой в то время необыкновенно пламенел: никакого страха, смятения, полная примиренность, и даже какая-то высшая радость меня охватила, и было желание, как у апостола Павла: “Скорее разрешиться и со Христом быть”. Особенно это настроение подогревалось бывшими мне видениями.

Когда для меня почему-то стало ясно, что я умру, и я в священном восторге стал молиться (подчеркиваю, в то время я был в полном сознании), вдруг небо предо мною вспыхнуло каким-то красным цветом с крупными звездами, и появилось трое злых духов на фоне неба. Хорошо помню лицо одного из них: злобно-насмешливое, пристально устремленный на меня взгляд (“мол, а, попался – сейчас будешь у нас”), с какой-то дымящейся кочергой... Но я нисколько не испугался, а, наоборот, почувствовал себя победителем. Я посмотрел на них строго и сказал: “Не боюсь я вас. – Прочь, я христианин. Слава Тебе, Боже!”... И эти “исчадия ада” моментально скрылись, а вместо них появились три мужа апостольского вида, присели за стол, сочувственно, приветливо один из них на меня посмотрел, как бы говоря: “Не бойся, мы твои защитники!” – и видение исчезло. После того раза 4–5 небо вспыхивало необычайно ярким, белым, неземным и непередаваемым Светом, что приводило мою душу в неопишуемый восторг. Я непрерывно молился и благодарил Бога, горел, как свеча.

Иногда появлялись отвратительно-гнусного вида страшилища животные, устремляли на меня злобный и чуть ли не шипящий взгляд, но при одном слове молитвы эти гадины бесследно исчезали.

Вот что я пережил... Со мною случилось что-то необыкновенное.

Бог посетил меня... Я как бы принял Самого Господа Бога...

Я настолько ждал смерти и был подготовлен к ней, что когда доктор сказал мне, что все закончилось благополучно и я буду жить, то я серьезно задумался над вопросом, стоит ли возвращаться к жизни, но после некоторых размышлений меня охватила радость, и я стал со всеми целоваться, говоря: “ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!”

На этом заканчивается краткая запись дорогого, незабвенного отца Иеремии о своих переживаниях. Но я помню, он мне говорил более подробно,

особенно стараясь передать о своем состоянии радости и священного восторга, в котором он находился во время своего умирания. Это состояние глубокой радости долгое время не покидало его, и он не хотел говорить ни о чем земном, а только повторял: "ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!"

Отец Иеремия с детства был глубоко религиозным человеком, а после описанного события его духовная жизнь еще более окрепла и, наконец, привела его к принятию на себя великого подвига монашества, который он пронес с честью до могилы.

Воистину можно сказать об отце Иеремии: "Блаженни чистиим сердцем, яко тии Бога узрят!"

Сестра отца Иеремии
Лебедева Мария Алексеевна. ▶

Мои воспоминания ¹

Глава первая

Детство. Родители.

Детство

Родилась я 2 января¹¹ 1901 года в Ростове-на-Дону. А помню я себя с Рязани (места последней службы моего отца в качестве губернского архитектора), с четырех лет.

А может быть, я помню себя и раньше, потому что помню себя сидящей на высоком детском стульчике и помню мое первое тщеславие: мне первый раз дали ложку и показали, как самостоятельно надо есть. И мне хотелось, чтобы все видели, что я сама ем. А потом меня упрекала совесть за это, я чувствовала вину перед Богом.

Когда Государь после Японской войны проезжал с войсками Рязань, я помню хорошо все подробности: было жарко, у одной женщины кровь пошла из носа, а полицейские так ставили народ, чтоб на царя ветер не дул. Мама говорила, что действительно все так и было. Помню свернутые знамена, а ту женщину повели к нам и давали ей холодную воду.

Я, видимо, родилась верующей.

Я хорошо помню себя в четыре года в Новороссийске, когда мы с Андрюшей и Колей (двоюродными братьями)

¹ Воспоминания продиктованы м. Сергией в 90-е годы, кроме глав "Из бесед Высокопреосвященного Иннокентия Ястремова" и "Мать Таида", написанных самой монахиней.

¹¹ Все даты даны по старому стилю.

собирались на прогулку и загредел гром. Прогулка сорвалась; Коля погрозил кулаком на небо, и я очень переживала, что он оскорбил Бога. Вообще, они были страшные озорники. Но Коля говорил, что он меня уважал, что я была резонерка и высказывала такие мудрости: “Сыро – надо надеть ботинки”.

Татьяна Клименко (справа) с братом Сергеем
и сестрой Софией

Пяти лет я заболела скарлатиной. Мы с мамой были заперты в двух комнатах, а папа с дочерью Софией, которая была старше меня на шесть лет, и сыном Сережей (старше меня на два года) были отделены в других четырех комнатах.

Помню, уже когда я была совсем здорова, только выдерживала карантин, я в щелку через коридор увидела Сережу в столовой. Не успели взрослые сообразить, как мы с ним бросились друг ко другу и схватили друг друга за руки. Помню эту картину: папа с няней тащат Сережу к себе, а мамочка – меня к себе. Но мы в восторге, что увидели друг друга, так вцепились, что взрослые с трудом разняли нас.

Но Сережа в этот раз не заразился. Но заболел скарлатиной в очень тяжелой форме через два года и чуть не умер¹.

Во время карантина мамочка выучила меня читать. Азбуку и букварь передали нам в окно. Я очень быстро схватывала грамоту и полюбила книгу на всю жизнь.

Юная гимназистка

Однажды в палисаднике (в шесть лет) я читала Евангелие и видела Спасителя в сердце и вместе с тем – рядом, в профиль, в терновом венце. Помню наставшую какую-то поразительную тишину. Я бросилась к маме в дом из садика, прижалась к ней, но ничего не сказала... С тех пор горячая любовь к Спасителю наполнила мое сердце.

¹ Сережа погиб в гражданскую войну, приблизительно в 1919 г. "Видимо, когда его мучили, какая-то сила ночью бросила меня к его карточке, освещенной лампадкой, и я всю ночь простояла, дрожа и переживая какой-то ужас. Это было летом", – читаем в письме м. Сергии от 12.09 1993 г.

Когда был уже 1907 год, тогда арестовали мужа моей няни Семена, которого я очень любила за доброту к нам, детям (мы гулять с ним ходили даже на вокзал, куда строгая няня Дуня не разрешала). Я горячо молилась в кровати за Сенечку, свет наполнил мое сердце, и я почувствовала, что Бог услышал мою молитву. И, встав в кровати, я громко сказала: "Сенечка утром придет". Так и было. К общему удивлению, Сенечку освободили.

Родители

Разница в годах между моими родителями была равна 19-ти годам.

После свадьбы в 1877 году в Ростове-на-Дону, где папа работал городским архитектором, они уехали в Полтаву (на родину папы), потом в Екатеринослав. Последнее место его работы — Рязань, где он был губернским архитектором до 1910 года. Потом мы все жили в Ростове-на-Дону, вернее в Нахичевани-на-Дону.

У папы был абсолютный слух. К сожалению, отец не разрешил ему учиться музыке; он, уже женатым, начал учить ноты, но играл всегда по слуху. Папа построил в Рязанском театре концертный зал с прекрасной акустикой. Вообще, музыка была атмосферой, которой мы дышали.

Мама начала меня учить музыке с семи лет, но слух у меня был только выше среднего¹. Я сразу полюбила Иоганна Себастьяна Баха в мамином и папином исполнении.

Когда мои родители жили в Екатеринославе, к ним приезжали композитор Венявский, Н.Д.Кашкин, написавший "Воспоминания о П.И.Чайковском". Там, в 3-й главе, автор очень тепло говорит о моем отце.

¹ Позже будущая м. Сергия брала уроки музыки у М.Ф.Гнесина, который тогда жил в Ростове-на-Дону.

Папа захватил интересный период жизни русской интеллигенции. Был знаком с Плещеевым, Станюковичем; в кружке Плещеева он встретил Достоевского. Федор Михайлович был уже после каторги. Папа славился как художественный рассказчик и со своим юмористическим

Татьяна Николаевна Клименко
(1859–1952)

Иван Александрович Клименко
(1840–1914)

талантом рассказывал что-то из украинских былей. И Федор Михайлович сказал: “Как можно так много смеяться, когда в жизни столько горя...”

* Папа умер 12 апреля 1914 года от инсульта. Это было мое первое горе – первый покойник, которого я видела. Мне было 13 лет, и я боялась покойников.

Я пришла к нему в день его смерти. Около него была мама и ее сестра тетя Соня. Тетя Соня говорит: “Вот тебе иконочка Спасителя, перекрести папу, он без сознания, и положи иконочку”. Я была ошеломлена, потому что накануне

я у него была, и он разговаривал и был в хорошем состоянии. Я прижалась к шкафу, зарыдала и рыдала до последней его минуты. Он умер поздно. Я была как безумная, передо мною впервые встала смерть.

Все, что я знаю о папе, — это из рассказов мамы и его сотрудников. Главные черты папы были доброта и чест-

Татьяна Клименко-выпускница гимназии

ность. Он, будучи архитектором, не построил себе дома. Сравнительно часто менял место работы. Помню такой рассказ: приходит папа со службы и говорит: “Матушечка (так он называл маму), надо укладываться и уезжать. Дело в том, что я объяснил губернатору, когда он мне предложил у бедной старухи отнять кусок земли для кого-то, что он из себя представляет”. И мама безропотно начинала укладывать огромную нотную библиотеку и книги — других ценностей у родителей не было. Или был такой случай: мама услышала крик в передней; она быстро пошла

туда и увидела такую картину – из наружной двери торчит рука с зажатыми бумажными деньгами, папа хлопает дверью по этой руке и кричит: “Я не взяточник, я не взяточник!” Мамочка поспешила остановить папу, говоря: “Отпусти же его, ведь ты сам его задерживаешь, а он ничего не понял: ведь ты один не берешь взятку, а он, наверное, думает, что мало дал”.

Граф Федор Петрович Толстой
(1783–1873)

Анна Павловна Барыкова
(1839–1893)

Если папа приезжал из командировки, то, бывало, мама говорит: “Топите скорее плиту на кухне, грейте воду, Ванушка каких-то грязненьких ведет”. И действительно, папа приводил в дом грязных, вшивых погорельцев и просто бездомных. Помню, с меня родители сняли ботинки и надели на бедную девочку. Вообще, эту честность и вспыльчивость унаследовал папа от отца – Александра Клименко

(отчества не помню), полтавского судьи. Когда императрица Екатерина II объезжала Малороссию, она с глазу на глаз опрашивала народ о том, берет ли судья взятки, и все в один голос сказали: "Шо це Вы магы, да наш Ляксандра на губернатора с палкой набросился, когда тот совал ему взятку". "За честность" императрица дала моему деду потомственное дворянство. Эту дворянскую грамоту, с восковой печатью и личной подписью Екатерины, мама сдала в Исторический музей Ростова-на-Дону. Сама мама была правнучкой художника, вице-президента Академии художеств Федора Петровича Толстого. Это — по линии матери Анны Павловны Барыковой, поэтессы-народницы 80-х годов.

Глава вторая

Духовные наставники

Отец Стефан

Встреча моя с великим старцем неросхимонахом Стефаном¹ произошла 2 июня 1923 года.

Это было время "торжества" обновленчества, и православные, которых называли тихоновцами, не имели благословения от Патриарха Тихона посещать обновленческие службы. Православное же духовенство было почти все по тюрьмам, ссылкам и в вечной жизни... Не ходить в церковь было очень тяжело.

И вот подходило 2 июня, день для нашей семьи памятный, — это был день смерти сына тети Сони, Владимира. И я решила, несмотря на все запугивания со стороны семейных и врача (я всю зиму лежала с экссудативным плевритом туберкулезного происхождения), быть в этот день в храме. Я жила в Кисловодске, где не было ни одной православной церкви. Чисто православный монастырь был у подножия горы Бештау, в 10 километрах от Пятигорска (Бештау — кабардинское название, означает "пять гор"). Это был Второ-Афонский Успенский мужской монастырь. Среди братии было много афонских монахов. Со Старого Афона пришли и первый настоятель монастыря схиигумен Герасим, и отец Паламон, и отец Стефан.

Во время нашей встречи отцу Стефану было 48 лет. А по мудрости он всех превосходил. Настоятель отец Иоанн в это время оставил монастырь и основал на побережье, за Туапсе, девичью обитель. А отец Стефан на Бештау замещал его и вместе с тем пек просфоры.

Год пострижения отца Стефана я не знаю, но знаю, что к этому времени в Пятигорске было уже подворье Успенского монастыря. Там отец Стефан нес различные послушания: и на виноградниках, и в церкви.

Иеромонах Стефан (Игнатенко),
приблизительно 1923 г.

Сюда, на Бештау, мы и пришли втроем из Кисловодска: Маруся Склярова, Надя Чага, дочь крупного толстовца, и я. Приближаясь к монастырю, мы шли по горе, усеянной крупными красными маками. Я с восторгом стала их собирать. В это время начался вечерний звон. И из маленьких келий стали показываться, медленно пробираясь к церкви, старые монахи. И тут я услышала дребезжащий голос: "Раба Божия, брось эти цветы: они вредные". И с великим прискорбием я бросила их. Это было мое первое послушание...

Отец Стефан в это время пек просфоры. Ему передали письмо, которое мы принесли от его послушника, где говорилось о нас. Отец Стефан оставил свою работу и вышел к нам в скромном монашеском одеянии. В письме была просьба отслужить панихиду, и, хотя служба кончилась, отец Паламон повернул назад и снова отслужил панихиду. Потом нас угостили чаем, и мы положили на стол свое приношение. Беседа затянулась дотемна; батюшка благословил нас говеть. Для Нади это было первое говение. На ночь нас разместили на полу в келье, и мы до 4-х утра отдыхали. В 4 часа был подъем и полунощница.

Меня все поражало, вызывало благоговение. После обедни мы выстояли все требы, по излишнему усердию. Потом нас напоили чаем. И мы сговорились с отцом Стефаном приходить к нему.

Рядом была келья больного гнойным плевритом – иеросхимонаха Иакова. Он страдал уже давно. Помощь ему оказывала опытная сестра милосердия, монахиня, приходившая в монастырь.

Когда я вошла в келью к отцу Стефану, я трепетала. Беседа была очень серьезной. Главное, что мне сказал батюшка: “Вам подобает читать православных отцов, особенно Преосвященного епископа Игнатия Брянчанинова. Ищите их творения! В Кисловодске они есть у верующих”.

В беседе касались мы многого. Меня тянуло к монашеству, это нельзя было скрыть. В этот же день мы все исповедовались, на следующий день причащались и ушли. Нет, не ушли – мы летели на крыльях!

На горизонте расстилалась розовая от заката Кавказская цепь. Я ощущала такую легкость, такое чувство истинного обновления, что не чувствовала никакой усталости. Мы дошли пешком (17 километров) до Эссентуков, там сели на электричку и, ошарашенные, истинно обновленные, поехали, полные новой духовной жизнью.

На прощанье отец Стефан оделил нас всех просфорками и благословил в случае духовной нужды прийти опять.

С этих пор я начала чаще одна, а то и в компании паломничать на Бештау. А иногда бывало и такое счастье, что отец Стефан приезжал к кому-нибудь из нас. Мы сообщали друг другу и собирались на целый день вместе. Иногда он приходил в Пятигорск или Минеральные Воды, и мы ехали туда. Мы приезжали с целыми листами вопросов. Мама жалела батюшку и говорила, что мы его замучили, но он был невозмутим.

Так прошел Успенский пост. К этому празднику в монастырь стекалось много крестных ходов из станиц кубанских и окрестных городов: Кисловодска, Пятигорска, Железноводска, Минеральных Вод. По дороге приходилось ночевать. Нас охотно принимали. На рассвете шли дальше. Приближаясь к монастырю, посылали вперед несколько человек к настоятелю со словами: "Благословите наш приход". Настоятель благословлял, начинался звон, поднимали хоругви, святые иконы и шли из монастыря навстречу крестному ходу с пением. И так несколько раз в день.

Пришедшие женщины-богомолки сразу начинали убирать церкви (их было две). Гостиницы не было, она сгорела во время гражданской войны. Спали прямо на холодном полу в коридорах и в церкви, но в 4 часа — уже подъем. Бывало, что крестный ход на святой источник был перед началом богослужения, а бывало — и после. Богомолки разносили приносимое (пироги, булки) по кельям и сразу принимались за уборку церквей.

Службы были по староафонскому уставу: в 5 часов — Малая вечерня, после нее монашеский ужин, потом Великая вечерня, если праздник — Всенощная, затем короткий отдых, часа два, где-нибудь "по углам". Начинаясь служба в 4 часа Полунощницей. В праздник Утреня была с вечера, в будни с

утра — сразу после Полунощницы; затем Литургия. Если приезжал архиерей, встреча была торжественной.

Отец Стефан при большом количестве богомольцев не отходил от аналоя и исповедовал с вечера до утра. К утру он был совсем прозрачный, здоровье у него было слабое. Хотя отец Стефан страдал язвой желудка, он строго соблюдал посты. И вкушал вообще очень мало.

В беседе отец Стефан был очень воздержан. Он часто предостерегал, чтобы не рассказывали о чужих грехах. Однажды, уходя от него, я попросила благословение для моей родственницы, с которой жила и работала. А батюшка озадачил меня вопросом: “А она меня просила об этом?” Я растерялась и на будущее время была осторожнее. Приезжая в Кисловодск, отец Стефан останавливался на окраинах; туда мы и стекались с большими записями вопросов. Передавать один другому, о чем говорил батюшка на исповеди или на беседе, отец Стефан не благословлял. Также не благословлял частое причащение и не благословлял причащаться в дни больших праздников, а накануне, ввиду большого стечения народа.

Перед Успением 1923 года донесся слух, что женатый 26-летний обновленческий “архиерей” собирается с крестным ходом на Бештау. Монахи были очень взволнованы и решили подготовиться к уходу, если обновленцы победят. В это время в монастыре уже был настоятелем отец Доррофей, тоже староафонский. Он подошел к одному богомольцу, Даниилу Марковичу Кохно¹, и сказал ему: “Помогите нам. Мы не речисты”. И Даниил Маркович обещал, с помощью Божией, исполнить просимое. Все очень волновались.

И вот подходит канун Успения. К настоятелю авве Доррофею подходят обновленческие посланцы и просят принять “нашу святость”. Настоятель согласился и благословил звон.

¹Д.М. Кохно посвящен рассказ настоящей книги “Совоприсник века сего”.

И вот мы видим: на гору снизу поднимается обновленческий крестный ход во главе со стриженным, бритым "архиереем". Из монастыря в благоговейном молчании, неся с собой хоругви и иконы, — наш православный крестный ход во главе с настоятелем, монахами и Даниилом Марковичем. Отца Стефана в толпе не было: он стоял, прижавшись к монастырским воротам, у ног его был маленький чемоданчик. Вот ближе, ближе сходятся крестные ходы и останавливаются, склонив хоругви. На стороне обновленцев было много дам, а с нашей стороны — монахи и станичники (казаки и казачки). Когда подошли почти вплотную, обновленческий "архиерей" Александр Шубин падает на колени и с театральными жестами восклицает: "О святая обитель, дай мне облобызать твои святыни!" В ответ на это Даниил Маркович, по благословию настоятеля, отвечает: "Гражданин Шубин, лобзанием ли предаешь Церковь Православную?!" Достает обновленческий журнал и начинает читать оттуда критику, насмешки над Православием. И мы видим, как со стороны обновленцев к нам переходят пришедшие. Шубин, увидев, что все симпатии богомольцев на стороне православных, разъяренный, вскочил с колен со словами: "Ну, Кохно это даром не пройдет", — и повернул назад. За обновленческим "архиереем" пошло всего несколько дам. А мы все, с пением псалмов, сияющие, вернулись в монастырь. Всенощную служили на воздухе, потому что поместить народ в церкви не было возможности. Монахи нас, богомольцев, разделили на два хора, и до утра мы отпевали плащаницу Богоматери, вынесенную под открытое звездное небо, пока не засияло солнце. Казаки стали носить камни на вершину Бештау, монахи складывали из них престол и позднюю обедню служили здесь, наверху.

Через день Даниил Маркович был арестован и отправлен на вольную высылку в Самарканд (с ним отец Иоанн Мешалкин, тогда еще диакон), а настоятель кладбищенской

церкви Кисловодска отец Иоанн Прокопович – на вольную высылку в Ашхабад. Были высланы и многие другие.

С этого времени, несмотря на аресты, православные подняли голову, обновленческие церкви опустели.

Вскоре отец Стефан приехал в Кисловодск для освящения кладбищенской церкви. Как мы его ждали! Всю ночь не спали, сидели на балконе, пели молитвы. И от одной мысли, что мы сегодня будем молиться в нашем православном храме, сердца наши бились от счастья. С каким благоговением, вдумчиво освящал отец Стефан храм! Это было “небо на земле”! Теперь вместо арестованного настоятеля кладбищенской церкви отца Иоанна богослужение совершал иеромонах Михаил, присланный из Успенского монастыря. И народ стал понимать, что его, народ, обновленцы ввели в заблуждение, и стал приводить своих обновленческих священников на Бештау с требованием от них покаяния. Их исповеди были открытыми и ужасными. Они кощунственно писали в своих журналах, что надо изгнать из богослужения все элементы магизма и колдовства. Эти слова их главы, лжемитрополита Александра Введенского, относились к Евхаристии.

Ища уединения, в 1926 году отец Стефан покинул монастырь, доехал на поезде до Новороссийска. В Новороссийске пересел на пароход и добрался до Адлера, а из Адлера по долине реки Кодор, с двумя монахами, ушел в глубокую пустынь. Всю зиму они жили в горах, а летом спускались в более жилые места. Они сами сделали себе домики и жили, как настоящие отшельники. Время от времени отец Стефан приезжал к нам, в район Минеральных Вод. Это было для нас великим счастьем. Но гонения увеличивались, приходилось уходить все дальше.

В это время (1927–1929 годы) я жила в пустыни “Темные буки” на Кубани. 1 марта 1929 года нашу пустынь закрыли. Добрые казаки свои домики перестроили для нас.

Но и это кончилось. Сельсоветы были против нашего селения, и всех ждала тюрьма. Я решила идти в пустынь к отцу Стефану. Чтобы узнать точно его адрес, заехала в Геленджик, но в это время у меня сделалось обострение туберкулеза легких, и я целое лето пролежала у своих друзей в зеленом саду на берегу моря. А мимо нас плыли пароходы в Новороссийск, переполненные арестованными монахами. Наконец пришло письмо от отца Стефана о том, что ехать к ним нельзя, что они сами уходят. И я вернулась на Кубань.

Отец Стефан был в Латах, в горах. Вскоре все отшельники были арестованы и направлены в Тбилиси. Но следователь¹ понял, что отец Стефан погружен только в религию и никакой политикой не занимается, и так расположился к отцу Стефану, что освободил его с послушником Семеном² и спрятал у себя на участке под видом сторожей.

И тут настала наша разлука. С 1930 года мы друг друга потеряли.

Уже в Москве, в середине 30-х годов, я узнала адрес дорогого батюшки, чудом встретившись с его духовным сыном, фотографом Филиппом Антоновичем Федоренко, с письмом которого пришли мы в первый раз на Бештау. И мы стали переписываться. Тогда батюшка жил в Орджоникидзе с тремя старыми монахинями.

Исполнилось 20 лет моему постригу, я полгода готовилась к встрече с батюшкой, но вмешались темные силы. И в день моего приезда в Кисловодск, где мы сговорились встретиться, батюшка выехал. Встретились мы в том же 1945 году, через месяц, в Орджоникидзе. И я стала приезжать ежегодно на мой родной, любимый Кавказ.

Из Орджоникидзе отец Стефан перебрался в Горячеводск, где купил домик, а в конце 40-х годов батюшка обосновался в Кисловодске, где и скончался 31 января 1973 года.

¹ Этим следователем был Борис Николаевич Ермаков.

Он жил в Кисловодске в домике, купленном на старушку Ирину. В одной комнате жили мы с Ириной, а в другой — батюшка с келейником Семеном Иудовичем (в монашестве отцом Исаакием). Домик был маленький, беленький, кругом — садик, огород. Находился он на окраине Кисловодска, называемой “Минутка”. Батюшке было уже за 80 лет, но он пешком ходил в Пантелеймоновскую церковь, расположенную приблизительно в двух километрах от дома. А обратно мы, особенно Коля и Ваня, его послушники, жившие отдельно, старались поймать ему такси.

Батюшка всегда был невозмутим. Один раз только помню, что он был в негодовании, когда после утреннего правила, которое начиналось в 4 часа, строго говорил Семену: “Ведь Вы все потеряете, можно ли после молитвы столько говорить!”

Иногда я заставляла его одного после Литургии. И батюшка сам угощал меня завтраком. Мне было так неудобно — посадит меня за стол и сам мне носит. Трогательное, незабвенное время!

Иногда отец Стефан садился шить для Вани, так как у Вани ничего не было, хотя он был старостой церкви. Я так любила смотреть на движения батюшки! Они были необычайно гармоничны: он никогда не спешил. Все движения его были закончены. Внутренняя гармония сквозила во внешнем. Читал он по преимуществу Преосвященного Игнатия Брянчанинова. После вечернего правила читал жития. Иногда после вечернего правила он оставался беседовать на нашей женской половине. И вдруг из кельи мужской половины раздавался резкий стук. Батюшка с тихим вздохом говорил: “Пора идти, Семен стучит. Не знаю, кто из нас старец”.

Почти ежедневно батюшка ходил в церковь. Дома подъем в 4 часа утра, потом келейное правило, а в церковь шли к 7—8 часам. Утром батюшка сам чистил печь, причем надевал

какую-то фетровую шляпу и курточку. И все у него получалось тихо, организованно, без малейшей суетливости.

В беседе главное у батюшки было духовное рассуждение, основанное на писании святых отцов.

**Иеромонах Стефан (справа) с келейником Симеоном,
в монашестве отцом Исаакием**

К смерти он готовился спокойно, ему уже было за 90 лет. Один раз я пришла, когда они с Семеном рассматривали крест, приготовленный на могилу батюшки, и только не было поставлено числа.

Семен был хорошим часовщиком и переплетчиком. Ваня был старостой и выполнял все работы по церкви своей и пятигорской, а также переплетные работы (Евангелий и

других книг); делал сам диаконские свечи. Вообще, без работы они не были.

Батюшка отец Стефан относился к людям непередаваемым: ни фотографии, ни описания словесные не могут заменить беседу с ним. Необыкновенная сдержанность была его главной чертой. Он был также необыкновенный бесребреник. Помню такую сцену. Я была у батюшки на беседе, и пришел один монах. Ничего не сказав, он сел. Батюшка помолчал, они друг на друга посмотрели молча, отец Стефан открыл шкафчик, достал какое-то кушанье и дал его пришедшему. Тот взял молча и ушел. А у самого батюшки ничего не осталось...

Как-то, когда батюшка жил в монастыре, была очень теплая осень и до Введения ходили в летних платьях. И мы, в том числе моя мама, приехали из Кисловодска в монастырь очень легко одетыми. Пришли мы к празднику Введения (ехали на поезде, а потом 10 километров шли по горе пешком). А ночью разразилась буря с метелью, снегом; сразу настала зима. Красота была неописуемая: деревья все хрустальные. Кроме нас, богомольцев не было. И вот каждый из монахов что-нибудь на нас надел. А отец Стефан на меня надел свой кожух. Мама очень беспокоилась обо мне, но никто не простудился.

Утром, когда мы отправились в обратный путь, было необычайно скользко. Мы друг друга вели гуськом, на палках. Но все кончилось благополучно. И мы пришли в Пятигорск к Филиппу Антоновичу, который много раз был в Соловках.

А в другой раз к этому празднику мы шли с Софьей Дмитриевной (будущей матерью Серафимой). Мы поздно выехали из Кисловодска. И на Бештау нас застали густые сумерки. Смотрим: сидит охотник с ружьем. Он сказал нам: "Торопитесь! На это место приходит волчица со стаей". Но страха никакого мы не ощущали и благополучно пришли, удивив монахов.

Были мы в монастыре и в Светлую Пасхальную ночь. Мы не столько ели на пасхальной трапезе, сколько старались увидеть, как разговляется отец Стефан. Стол был накрыт в летней церкви. Все получали всего поровну: по крашеному яйцу, тарелке творога, куску кулича и по стакану молока. Народу было сравнительно немного. Утро было необычайно красивым. Вся дорожка была усыпана фиалками. На горизонте сияла Кавказская цепь...

Итак, я стала ежегодный отпуск в Великом посту проводить в Кисловодске, около батюшки.

О, незабвенный беленький домик вблизи Кабан-горы! Стоишь, бывало, у калитки, и сердце трепещет: "Сейчас увижу и услышу батюшку!"

После смерти Ирины, на которую был оформлен домик, хозяйкой стала Анна. Но это был совсем другой человек. Я по-прежнему приезжала на Великий пост, иногда перед Рождеством. Батюшка заметно слабел, но никогда не жаловался. Последний раз я была на его богослужении на свое рождение, 2 января 1962 года. Какой он сам был особенный, такой и служба его была особенной по простоте и благоговению. Но служил батюшка редко, больше исповедовал. Передать его исповеди, беседы я не могу. Все это будет не то. Один Бог знает, как излагать слова своих избранников... Эту простоту и благоговение... Я недостойна для этого: мудрость и простота! Надо было видеть и слышать его лично!

В один из моих приездов умер схиигумен Пафнутий, тот самый отец Паламон, который служил панихиду, когда мы первый раз пришли в монастырь на Бештау. Он избрал духовником отца Стефана. Похороны были в Ново-Пятигорске. Я была поражена выдержкой, собранностью отца Стефана, его тактом. Когда мы пришли с кладбища, то Анна, которой принадлежал домик отца Пафнутия, начала громко плакать. Отец Стефан, который тоже тихо плакал о

своим другом, сказал: "Нет, нет, плакать не время: люди голодные пришли, кормить надо". И как-то так спокойно, тихо сказал, что рыдания прекратились. Свою сосредоточенность батюшка не терял ни на минуту, хотя отец Пафнутий был его последним афонским другом.

Отец Стефан никогда не раздражался. Мудрость его увеличивалась, выдержка возрастала. Старушки-монахини, родственницы постепенно умерли одна за другой. Батюшка стал жить вдвоем с Семеном (это было уже в Кисловодске). Умер и отец Иоанн Прокопович, настоятель кладбищенской церкви, от которой ничего не осталось... Старые кладбища Кисловодска были разорены (в том числе могилы моих родственников: дяди Володи, крестницы и др.).

Домик батюшки остался цел (теперь ничего не осталось).

У отца Стефана были поразительные случаи в быту. Это было при жизни старушек-монашек: они уехали, поручив батюшке беречь кур, а батюшка зачитался и всех их выпустил. Они все ушли. Батюшка очень переживал, что нанес такую обиду, и горячо молился Николаю Угоднику. И вот с третьего дня пропажи откуда-то вернулся петух и потом по одной курице вернулись все. И к приезду хозяек, к общей радости, все было в порядке.

Как-то, когда прошло уже много лет (батюшка еще жил во Владикавказе, тогдашнее название Дзауджикау, или Орджоникидзе), было такое происшествие. Поезд опоздал, и я приехала к ним очень поздно. Гостиницы все переполнены, я, измученная, усталая, не знала, где мне приткнуться. Мне посоветовали поискать место в колхозной гостинице, но для этого надо пройти весь огромный базар, и это ночью. Меня стало качать, но на пьяную я, видимо, не была похожа. Слышу голос: "Вам плохо? Вы больны?" Я в ответ назвала улицу, на которой жил батюшка, но мой собеседник ахнул: "Это совершенно в другой стороне!" Он шел с мальчиком. "Знаете что, — продолжал он, — пойдете

к нам". И мальчик его поддержал. Они стали открывать парадную дверь. "Идите же, не бойтесь", — говорили они, а я совершенно растерялась. Идти некуда, идти к ним — страшно, не идти — тоже страшно. Я стояла, плохо соображая, прежде всего от безмерной усталости. Тогда они взяли меня под руки и ввели в дом. Это был богатый грузинский дом. Я шла, молясь всем сердцем, и все ждала женского голоса, но его не было. Пришли в столовую, меня посадили очень ласково, а я не решалась спросить про мать, и до сих пор не знаю, почему ее не было. Во время ужина разговор стал оживленней, и я поняла, что я — не первая, которой они помогли в тяжелую минуту, и ободрилась. Потом меня уложили спать тут же, в столовой, а сами, пожелав спокойной ночи, которой осталось очень мало, ушли. Я заснула, как камень. Проснулись мы все поздно. Я вышла на балкон и замерла от красоты: мы были у подножья Казбека; гора Столовая и другие медленно освещались восходящим солнцем. Хозяин подробно описал, как мне найти Ардонскую улицу. И я, благодаря его всей душой, рассталась с ним.

Батюшку днем легко нашла, и он, слушая мой рассказ, только тихо покачивал головой, а потом, так как я узнала, что хозяин не грузин, а перс, сказал мне: "Вы должны молиться о нем всю жизнь". Этот тон, эта интонация, эта глубина взора особенно мне сказали, как батюшка потрясен. Вот я и молюсь за этого перса.

Как-то я приезжала из Вышнего Волочка к батюшке в Кисловодск, пошла на службу и вначале думала, что служит отец Стефан. Но, когда священник поднял руку и почесал щеку, я сразу поняла, что это не он, так как отец Стефан за Литургией этого сделать не мог. У него вообще никогда не было лишних движений.

Когда мне сравнялось 60 лет, 2 января 1961 года, я приехала в Кисловодск, вошла в храм и — о, чудо! — у порога

меня встретил в облачении с кадилом отец Стефан. Это такой мне был подарок ко дню рождения, хотя отец Стефан этого не знал! Вся Литургия была особенная. Хор подтянулся, благоговение разлилось по всему храму. Да, таков был наш батюшка! У него было истинное смирение.

Батюшка очень любил звезды, цветы и с благоговением, преклоняясь пред величием Божиим, рассматривал и светила небесные, и растения. Это было его славословие Творца. А к концу жизни Бог дал ему слезы... Как говорил преподобный Исаак Сирин, это признак чистоты.

Похоронен батюшка в Кисловодске, на кладбище, где больше не хоронят, у подножия Кабан-горы. Его хоронила такая масса народа, что продавцы выскакивали из магазина и спрашивали: "Это генерала хоронят?" Я не выдержала и ответила: "Да, генерала, только Божьего!"

Умер он в 11 часов утра 31 января (13 февраля) 1973 года и, по словам келейника, который после его смерти принял схиму с именем Серафима, не вздохнул, не вскрикнул – просто тихо закрыл свои чудесные глаза... По возрасту ему не хватало нескольких месяцев до 98 лет.

Архиепископ Иннокентий

Архиепископ Иннокентий³, в миру Илья Иванович Ястребов, родился в Астрахани. Родителей его звали Иоани и Агриппина. Мы, духовные чада, никогда не смели расспрашивать Владыку ни о чем, и все, что я знаю о нем, все – через мать Талиду, монахиню Полоцкого монастыря, служившую ему и другим ссыльным архиереям.

Владыка Иннокентий окончил Духовную академию в Казани. Его духовным наставником был известный схииеримандрит Гавриил, умерший в 1916 году. Одно время Владыка – настоятель Донского монастыря, был и Киевским епископом.

Главная особенность Владыки – младенческая чистота, оправдывающая его имя. Иннокентий (лат.) значит “невинный”. Схиархиепископ Антоний (князь Абашидзе), с которым я познакомилась в начале 30-х годов в Киеве и который благословил меня быть врачом, чего я очень не хотела, задав мне вопрос, кто меня постригал, и услышав,

Архиепископ Иннокентий (Ястребов)

что архиепископ Иннокентий Ястребов, воскликнул: “Хороший был монах!” Такой же отзыв я слышала и от других.

В 1910 году по просьбе полоцких жителей Святейший Синод благословил епископа Иннокентия, магистра богословия, перенести из Киево-Печерской Лавры в Полоцк мощи преподобной Евфросинии. Владыка считал, что это нарушение Синодом воли преподобной. Прошло более

десяти лет, и мощи преподобной Евфросинии были перенесены в музей, кажется в Витебский. А Владыка начал свой скорбный путь по тюрьмам. Он прошел семь тюрем.

Последняя кафедра, которую возглавлял Владыка, была Витебская и Полоцкая. Он был арестован за то, что после обедни прочел воззвание Святейшего Патриарха Тихона о том, чтобы бережно, а не кощунственно сдавали церковное имущество. Это было в 1922 году.

В Витебской тюрьме Владыка заболел паратифом, начал бредить. И тюремный врач, и следователь почему-то приняли его за сумасшедшего и перевели Владыку в психиатрическую больницу. Это его и спасло: когда за ним приезжали из ЧК, то врачи-евреи отвечали, что Ястребов в буйном помешательстве и к нему нельзя подойти. А на самом деле он был уже здоров.

Вот рассказ самого врача (записанный мною со слов матери Талиды):

“Мы были потрясены, когда увидели на Владыке вериги (тяжелый серебряный параман и тяжелый серебряный крест). Мы поразились, что он такой красавец и — девственник. И прекрасно поняли, что это не психиатрическое заболевание, а тиф. Когда температура спала, то из тюрьмы приехали ночью явно взять Владыку на расстрел. А мы говорим: “Что вы, он в клетке, он буйно помешанный, в смирительной рубашке, мы боимся подойти”. Один раз приехали, другой раз, а тут волна расстрелов спала, приезжать перестали. А психически больные утром выстраивались в очередь за благословением, как они выражались, “к Великому”. И один больной написал даже книгу: “Что мы пережили, когда к нам приехал Великий”.

Последней тюрьмой, в которую перевели Владыку, была Калининская (Тверская). Она располагалась в Отрочем монастыре. Владыка, по его словам, имел счастье быть в той келье, в которой принял мученическую кончину святой

митрополит Филипп (Колычев) от руки опричника Малюты Скуратова, когда Иоанн Грозный проезжал Тверь.

Из Тверской тюрьмы Владыка был освобожден, получив “минус шесть”, то есть он мог жить на свободе, исключая шесть городов. Поскольку в это время у Владыки было заболевание сердца, он получил назначение правящим архиереем в Кисловодск. Но по приезде Владыки местные власти не допустили его к служению.

Жил Владыка на частной квартире. В это время мы и познакомимся.

Это была осень 1925 года, день Сергия Преподобного. Я шла в храм мимо дома, где жил Владыка, стесняясь к нему подойти. К заборчику подошла его сестра, мать Талида. Увидев меня, она сказала: “Таня, а отчего вы к нам не приходите?” Я изумленно отвечаю: “А разве можно?” Мы знакомы ведь не были. Она говорит: “Конечно, можно, приходите во вторник”. Я, сияющая от радости, пришла в храм и сообщила это своим духовным сестрам, которые сказали, что и они пойдут.

И вот, в назначенный день, мы трое пришли к Владыке. Благословляя нас, Владыка сказал: “Ну, Таню я знаю, а ваше как имя?” Одна сказала: “Мария”, другая – “София”. Я опять изумилась, но не осмелилась ничего возразить. В течение разговора Владыка говорит: “Вот когда Таня у нас была...” – показывая на меня... Тут я не выдержала и сказала: “Я у Вас первый раз, я у Вас никогда не была”. Владыка, переглянувшись с сестрой, тоже с удивлением спросил: “Как так? Ведь вы же Таня П.?” – “Нет, – отвечаю, – я Таня К.”.

Мать Талида с изумлением говорит: “Вот чудо Преподобного Сергия! Если бы я не ошиблась, то Таня, по своей застенчивости, прошла бы мимо”.

Вот так мы познакомимся. И я стала служить им, чем могла: стирала, делала покупки и т.п.

9 ноября 1925 года Владыка постриг меня с именем Сергия, а Софию с именем Серафима. Нужно сказать, что мы с матерью Серафимой последние два с половиной года жили под духовным руководством отца Стефана, не ели мяса и ежедневно были в храме. Постриг наш был после Всенощной в ночь на "Скоропослушницу". Нас отвели в отдельную келью, а Владыка с матерью Талидой остались на своей половине. По словам матери Талиды, Владыка сказал: "У меня сердце выпрыгнет от радости!" Мне было 24 года, а Соне — 42.

После нашего пострига Владыку выслали из Кисловодска. Он уехал на побережье, был на Новом Афоне. Тогда монастырь на Новом Афоне был еще действующим. Но сердце у Владыки болело, ему нужны были нарзанные ванны, и Владыке разрешили вернуться в Кисловодск продолжить лечение. К сожалению, квартиру мы с матерью Талидой нашли дальше от Пантелеймоновского храма, чем прежде.

Тогда то время собор в Кисловодске был закрыт. Обновленцы добивались им овладеть. Был маленький православный храм на кладбище в честь святых равноапостольных Константина и Елены и Пантелеймоновский в Ребровой балке, на горке. Служить Владыке власти так и не разрешили. Он ходил только молиться. А правящим был назначен Владыка Димитрий, который к Владыке Иннокентию относился плохо.

До работы, ежедневно, мы забегали к Владыке за благословением. Он в это время читал свое правило. Я как-то сказала: "Простите, Владыка, мы Вам мешаем молиться!" А он, держа в левой руке Канонник, а правой благословляя меня, коленопреклоненную, ответил тихо: "Молитве нельзя помешать".

У Владыки часто бывала бессонница. Он вставал ночью и ходил по двору и молился под звездами. У него

была поразительная, величественная манера осенять крестным знаменем. Как об этом сказала приехавшая ненадолго моя мама: "Владыка своим благословением точно снимает с души тяжесть".

Он очень любил детей, а дети его. Идет, бывало, из храма, а соседские дети его ждут. Владыка опускает руку в карман и оделяет всех конфетами.

Однажды, когда Владыка чувствовал себя относительно хорошо, ему захотелось на уединение. Он отправился на заброшенное татарское кладбище. Мы очень волновались, но не смели ему перечить. И вдруг видим: идет Владыка, за руки его держит черноволосая, черноглазая детвора. Подол пытаются нести тоже черноглазые маленькие гречата, армяне. Кто-то из взрослых, увидев эту картину, сказал: "Владыка, Вы как апостол языков!"

На беседу к Владыке приходил (по вторникам) сын настоятеля ростовского собора Владимир Алексеевич Лебедев. Он служил в Кисловодском банке. Под влиянием бесед с Владыкой и чтения святых отцов Владимир Алексеевич избрал монашеский путь. И после смерти Владыки принял монашество в Москве, в Покровском монастыре с именем Иеремии. Впоследствии он стал казначеем при Патриархе Алексии. Умер в сане архимандрита. Похоронен на Немецком (Введенском) кладбище. Могила его рядом с могилой митрополита Трифона (Туркестанова).

Здоровье Владыки все ухудшалось, отеки увеличивались. Он получил разрешение поехать в Москву, что и сделал вместе с матерью Талидой. Вернувшись, он сказал, что получил назначение правящим в Астрахань. Но здоровье Владыки не улучшалось, и, кроме того, родственники, жившие в Астрахани, прислали письма, чтобы он не приезжал, даже не показывался им. Мать Талида рассказывала мне, что эти родственники — племянники — с детства учились на деньги Владыки, и он, пока мог, всегда оказывал им

материальную помощь. “Недаром, – говорила мать Талида, – есть монашеская поговорка: деньги монаха – огонь”, то есть они приносят только вред.

Одним словом, Владыка никуда не уехал, ему день ото дня делалось хуже.

Кроме того, тучи сгущались: Рыкова сменил Сталин, аресты участились. Отец Стефан ушел из своего монастыря в глубокую пустынь. Но перед этим приехал в Кисловодск и был у Владыки. И Владыка, когда чувствовал себя лучше, ездил в монастырь к бабушке.

Тут арестовали мать Серафиму и поместили в Пятигорскую тюрьму вместе с другими верующими. Вскоре ее выслали в Сибирь. Меня предупредили, что мать Серафиму обо мне все время спрашивали и что я тоже намечена на арест. Владыка сказал: “Уезжай!” И 7 октября 1927 года я выехала (вернее убежала) из Кисловодска. Уехала к другу-учительнице в Анапу, а оттуда попала в Покровскую пустынь на Кубани.

Владыка стоял на высоком крыльце своего домика, который был хорошо виден из моего вагонного окна... Обливаясь слезами, смотрела я на благословляющую руку Владыки, и это была наша последняя встреча в жизни...

Приблизительно в ноябре он шел в гору в Пантелеймоновскую церковь к обедне, и у него лопнула на ноге вена. По милости Божией, он проходил мимо дома своих духовных чад, куда с трудом поднялся, чтобы лечь, и больше не вставал. Оттуда написал о своей болезни митрополиту Сергию (будущему Патриарху) и, благодаря его хлопотам и содействию, был вызван в Москву и положен в клинику Первого мединститута, на Пироговской.

Владыка проболел весь пост; на Страстной сказал матери Талиде, что ему очень хочется причаститься из Чаши, как священнослужителю. Мать Талида считала это невозможным – ведь это клиника Первого мединститута, кругом

студенты-практиканты!! Кто разрешит? И вдруг, в Великий Четверг, приходит в палату к Владыке седая сестра милосердия, с красным крестом на груди фартука. И говорит, что сейчас из соседней церкви придет причастить Владыку священник. Действительно, вошел иерей, в полном облачении, с Чашей. Причастил Владыку, ушел. Сколько потом ни искала мать Талида эту сестру, так и не нашла. Батюшка тоже видел ее, она за ним пришла в храм. Никто из служащих клиники ничего не заметил, ничего не спрашивал.

После выписки, в день Святой Троицы, Владыку соборовали семь архиереев, а на другой день, день Святого Духа, 22 мая 1928 года, Владыка Иннокентий тихо скончался. Отпевал его сам митрополит Сергей с собором иерархов в Донском монастыре, где Владыка одно время был настоятелем. Похоронили на Даниловском кладбище, близко от храма.

Когда я училась и работала в Москве, я постоянно ходила на могилу Владыки.

В 1941 году мы с мамой эвакуировались в Вышний Волочек, но как только появилась возможность быть в Москве, я с вокзала прямо ехала на могилу к Владыке. Без этого я Москву не проезжала.

И вот однажды в январе 1975 года, во время сильных морозов, я была проездом в Москве (ехала из Пюхтицы в Кисловодск на могилу к отцу Стефану). Ночевала у своих друзей, отца Герасима и матушки Валентины. Они уговаривали меня не ездить из-за мороза к Владыке. Но я, конечно же, поехала.

Надо было от Даниловской площади пройти весь Духовской переулок, который упирался прямо в ворота кладбища. На кладбище в этот раз было совсем пусто. У ворот в цветочной лавке я нашла только еловые ветки. Придя к Владыке, я молилась и плакала, целовала дорожку могилку и почти упрекала Владыку за то, что он поставил меня

на такую трудную дорогу тайного монашества. Когда я говорила эти слова, то почувствовала, что по темени меня кто-то словно клюет. Я подняла руку и ощутила голубка. Голубок полетал вокруг меня, потом сел, опять поклевал меня раза три и улетел. Я встала такая утешенная, словно сам Владыка меня благословил.

После моего возвращения из Кисловодска Матушка игуменья Варвара, неожиданно для меня, "открыла" мой постриг и в день святого царевича Дмитрия благословила мне надеть рясофорное монашеское облачение, которое сохранялось у меня в "смертном узле". Это было тайное воздействие Владыки Иннокентия.

Царство тебе Небесное, мученик и исповедник Христов!

Из бесед Высокопреосвященного Иннокентия Ястребова

В Москве в одном из монастырей жил молодой монах. Его внешней особенностью были очень красивые голубые глаза, внутренней — "ревность не по разуму".

Подошел Великий пост. Вся братия в понедельник ничего не вкушала, а потом принимала пищу раз в день. Этот монах самочинно не вкушал ничего до пятницы включительно. В пятницу он стоял перед Распятием, один в пустой церкви. Ему показалось, что распятый Господь оживает. Монах пришел в умиление и с восторгом воскликнул: "Господи, что хочешь, я все Тебе отдам!!!" И слышит ответ: "Отдай мне свои глаза". Не осенив себя крестом, монах сейчас же наклоняется над свечой и начинает выжигать себе глаза. По милости Божией, вошел пономарь, услышал запах горящего мяса (это веки горели), увидел эту ужасную картину, оттащил безумца, привел к настоятелю. Был вызван лучший глазной врач. Зрение удалось спасти, но всю жизнь пришлось носить темные очки. Показывая

на свои глаза, бывший неразумный монах уже в сане архимандрита говорил новоначальным: “Смотрите, вот – плоды преслушания...”

* * *

Один епископ возымел желание повторить подвиг преподобной Пелагии, подвизавшейся в пещере близ Иерусалима под видом “монаха Пелагия”. С благословения Св. Синода он поехал туда и жил в этой пещере 11 лет. Но был вывезен оттуда на носилках со страшным деформирующим ревматизмом и привезен в Москву. “Не дано нашему времени таких подвигов”, – вздыхая, говорил Владыка, рассказывая об этом.

* * *

«В бытность мою на Киевской кафедре, – вспоминал Владыка Иннокентий, – был такой случай: звонит мне генерал-губернатор Трепов и сообщает, что в Виннице умер протоиерей при загадочных обстоятельствах. Его не хоронят, ждут нас. Мы поехали. Покойник был средних лет. При вскрытии все органы были в целости, кроме желудка: он был черный, совершенно обуглившийся. Когда вынули – рассыпался мелким черным углем.

Врачи не могли поставить диагноз. Стали расспрашивать жену. Она со слезами рассказала, что на протяжении последнего года ее муж стал проявлять странности: каждое утро, перед тем, как идти совершать Литургию, он ел и пил. Сначала он ни на что не жаловался, а потом стал ощущать какое-то горение в желудке. Дальше – больше.

Он перестал принимать пищу и перед смертью только вопил: “Огонь, огонь внутри”.

Божественные Тайны, видимо, совершал Ангел, и Они сожгли кощунника».

«Когда я был миссионером в Заполярье, мне приходилось крестить эскимосов. Они очень охотно крестились и говорили: “Мы знаем – русский Бог самый лучший. Мы Его видели не раз”. “Как так?” – спрашиваю. “А вот мы как-то заблудились в тайге, буран, собаки в упряжке легли – значит, конец! И вдруг впереди что-то засветилось – старичок идет! Собаки вострепнулись и пошли за ним. И он привел нас к юрте.

Другой раз тонули на море. Опять вдруг у руля появился тот светлый старик и вывел нас к берегу. Нам сказали – это, наверное, русский Бог. Когда повезли рыбу в город, пошли в русскую церковь, говорим: “Покажите нам ваших богов”. Нам ответили, что у них Бог один и Его видеть нельзя. “А кого же мы видели?..” Нас повели в храм. И вот на стене видим – вот, вот он, вот он нас спасал!! Нам объяснили, что звать его – Николай”.

Так, – со слезами умиления добавлял Владыка, – святитель Христов Николай раньше нас, грешных, был там миссионером».

Мать Талида

Мать Талида (по крещению Татьяна, в схиме Евфросиния) с пятилетнего возраста жила в монастыре – в Антолептах (Литва). Монастырь был расположен в глухом бору, на 60 верст вокруг не было жилья. Игуменьей была ее тетя. Монастырь был ставропигиальный, каждая насельница получала от Святейшего Синода 50 рублей в месяц. Были в монастыре разные послушания: рукодельные, золотошвейные. Но перегрузки не было, и вечером обязательно – чтение святых отцов.

В раннем возрасте с матушкой игуменьей Таня посетила Оптину пустынь. Тогда еще старчествовал там отец Амвросий.

Благословив Таню, старец потрепал ее за ушко: по словам келейников, это был признак, что Таня будет монахиней.

В семь лет на нее надели связку, дали четки – Таня выпросила самые большие. К ним в пустынную обитель приезжал на отдых епископ Тихон, будущий Патриарх. Увидев Таню в таком одеянии, сказал: “Танюшка, ты за меня только по этим четкам молись!”

Из разговоров старших монахинь она с подружками услышала, что “тот не монах, кто не совершит в день какого-нибудь подвига”. Девочки пошептались и решили, что это и к ним относится, загорелись желанием подвига во имя Христа. Ночью, потихоньку, стали выходить на паперть молиться, обнимали мраморные колонны так крепко, что руки неме-ли, нарочно надевали обувь меньше номером – “чтоб стра-дать”. Перед окнами матушки игуменьи, нарочно, чтобы зас-лужить наказание, босиком по лужам бегали с бадьей воды. И действительно, матушка ставила их за это на поклоны, а им только того и нужно было: “Все трапезуют, а мы с усерди-ем, одна скорей другой, до седьмого пота бьем поклоны”. Ежедневно ходили на полунощницу. “Все стоят монахини строго, слушают, – вспоминала мать Тагида, – а мы тут уж по собственному усердию кладем поклоны”. Старец (не помню – Зосима?) говорил: “Ничего, пусть кладут – это в старости пригодится, когда ни одного поклона не смогут положить”.

“Упаримся, бывало, – продолжала вспоминать мать Та-гида, – а тут – утренняя начинается. Спать хочется. Монахи-ни настелят нам платков на клиросе, и мы спим себе!..”

Рано проявились музыкальные способности, стали учить петь, была “исполлатчицей”.

После 1905 года этот монастырь был отдан католикам. Монашествующие были переведены в Полоцк, в обитель преподобной Евфросинии. Нужно сказать, что эта обитель находилась под духовным руководством схиархимандрита Венедикта, письмоводителя отца Амвросия Оптинского.

Монахиня Талида

Игуменя без благословения его ничего сама не решала.

В 16 лет Таню одели в рясу. Она стала учительницей рукоделия, по послушанию, в епархиальном училище при монастыре. Это училище выросло из той древней школы в местечке под названием Сельцо, которую основала сама преподобная Евфросиния.

Летом учительницам давали отпуск. Мать Талида использовала его, странствуя по пустынным обителям. “Бывало, в грозу-дождь попадем; с сестрой залезем в дупло дерева, гром гремит, а мы тут читаем, поем каноны”. Монахини ездили в Оптину, к своему духовнику – старцу отцу Венедикту (впоследствии настоятелю Боровского монастыря).

Мать Талида рассказывала, что как-то сидела в келье у старца, вдруг резко открывается дверь и вбегают женщина в полубезумном состоянии, бросается в ноги к старцу и кричит: “Батюшка, я ребенка заспала!” (то есть во сне придушила). А батюшка в ответ спокойно говорит: “Нет, нет, милая, это я заспал. Иди спокойно, это мой грех, я буду каяться”. И вот батюшка год был отлучен и от священнослужения и от Святого Причастия, год нес великий молитвенный подвиг, был на сухоядении. “Нельзя было иначе, — объяснял скромно старец, — женщина могла покончить с собой”. Вот такая самоотверженная любовь!

Мать Талида очень чтит икону “Скоропослушница”. Однажды ночью читала в своей келье акафист Пресвятой Богородице. Внезапно пред ней предстал враг, в отвратительном виде — “тело как студень”. Показывая на святую икону Пречистой Девы, окаянный прошипел: “Не молись Ей, Она не святая”, — и стал душить мать Талиду. Она, задыхаясь, рукой, на которой были надеты *крестообразно* четки, замахнулась на него. Враг отступил и, указывая на четки, сказал: “Только этим меня победила”. И исчез. Мать Талиду нашли на полу, в глубоком обмороке.

Мать Талида любила и ценила свой монашеский образ жизни выше всего на свете. “Бывало, пошлет меня матушка игуменья, за послушание, в Петербург. Иду по Невскому, кругом роскошь, богатые одежды, магазины, летят шикарные экипажи, а я иду, крещусь и благодарю Господа, что избавил меня от суеты мира сего.

В монастыре была нам одна радость: праздник — радость, а пост Великий придет — еще больше радости — какие службы!”

Первую неделю давали только вечером сухарь черный с листом квашеной капусты. “Уж с каким восторгом ешь его, да вкусней нет ничего на свете!! Как спасемся? — одна радость!”

Но пришли и другие времена...

Владыка Иннокентий (Полоцкий и Витебский в то время) совершил постриг Татьяны (в 28 лет) в монашество, дав ей имя Талиды (см. жития восточных подвижниц — преподобная игуменья Талида, коптская святая).

Мать Талида, новопостриженная, сподобилась большой благодати — 40 дней после пострига она видела около себя, “как в облаке”, свою преподобную; не могла ни с кем говорить, даже со своей духовной матерью — игуменьею Вадимою (Филипповой); вся была погружена в молитву. Так Господь готовил свою рабу к будущему служению.

Началась война 1914 года. Часть монашествующих была эвакуирована в Ростов Великий. И с ними игуменья, опасаясь за сохранность великой святыни — Креста преподобной Евфросинии, послала и этот Крест. Но потом, по Промыслу Божию, прочла строжайшее запрещение самой преподобной Евфросинии выносить этот Крест из обители. Игуменья впала в скорбь и страх, что нарушила запрет самой основательницы монастыря. И послала мать Талиду за Крестом.

Об этом путешествии можно написать целую книгу, как мать Талида, с мешком за плечами, в котором был большой Крест, переплывала Двину на обратном пути, когда Полоцк был уже в руках немцев, и т. п. Благополучно привезла Крест игуменье, которая в ожидании его наложила на себя пост, не спала, не ела, так переживала...

До немецкой оккупации часть сестер, в том числе и мать Талида, работали сестрами милосердия. В каком году закрыли монастырь, я не помню. Знаю только, что по закрытии Патриарх Тихон благословил мать Талиду идти путем жен-мироносиц: служить апостолам — ссыльным архиереям. Первому и стала служить — Владыке Иннокентию. За свой святой труд была награждена Патриархом золотым крестом (о чем никогда не говорила).

Пройдя с Владыкой “тернистый путь”, привезла его, совершенно больного, с гипертрофией сердца (так называемое “бычье сердце”, огромных размеров), в отеках, на лечение в Кисловодск. Тут мы и познакомились, и стала я им служить, стирала, носила воду; мать Талида стегала одеяла, зарабатывала. В 1927 году митрополит Сергей пожаловал Владыке бриллиантовый крест на клобук, хотел назначить его правящим Астраханской епархией, но... в скором времени больного Владыку привезли в Московскую клинику, на Пироговской. Мать Талида была с ним. А я уже – в пустыни.

22 мая (4 июня) 1928 года Владыка Иннокентий тихо скончался. Была я вдали, но в этот день сердце мое разрывалось от скорби.

Пришло письмо от матери Талиды: “Все лучшее кончилось, солнышко закатилось”.

После смерти Владыки мать Талида служила многим ссыльным архиереям, ездила на верблюдах, провожая в Среднюю Азию.

Скончалась в Кисловодске от саркомы 20 июня 1941 года, за два дня до войны. Покоится под голубым крестиком на горке.

Царство Небесное!

Схиму с именем преподобной игуменьи Полоцкой Евфросинии приняла за месяц до смерти.

Глава третья

“На Пюхтицу”¹

В начале войны, в июле 1941 года, мы с мамой эвакуировались в Вышний Волочек. В этом же месяце я поступила на работу в тубдиспансер. В 1948 году с моим больным Павлушей поехала в Осташков, в Знаменский женский монастырь.

Приблизительно в 1944 году монахиням была возвращена одна из церквей этого монастыря. Схимонахиня Рафаила (старшая монахиня Знаменского монастыря) рассказывала мне, что они своими руками, на свои средства восстанавливали церковь, в которой до этого времени была столярная мастерская. Когда разбирали и выносили стружки, наткнулись в углу на какой-то ящик. Вымыли, открыли ящик, а это – мощи преподобного Нила Столбенского, привезенные с острова Столобного, где была устроена турбаза! Так преподобный Нил скрыл и спас себя!

Я прикладывалась к лобику.

В то время в монастыре служили два батюшки: архимандрит Стефан (Светозаров), духовный сын митрополита Вениамина (Федченкова)⁴, приехавший вместе с Владыкой из Парижа, и иеромонах Арсений, сын диакона Тихвинского женского монастыря в Твери. Как рассказывали мне монахини, отец Арсений мальчиком бегал по монастырю с четками в руках, отчего и прозвали его “Петька с четками”. После закрытия Тихвинского монастыря он стал иеромонахом Троице-Сергиевой Лавры, оттуда пошел в Осташков.

¹ Пюхтицкий Успенский монастырь расположен на Святой Богородицкой горе, где в XVI веке эстонским пастухам было чудесное явление Божией Матери. Выражение “на Пюхтицу”, часто употребляемое пюхтицкими сестрами, означает “на Святую гору”.

При отце Стефане и отце Арсении служба в Знаменском монастыре правилась совершенно по-монастырски. В монастырь, на богомолье, приезжал из Риги митрополит Вениамин; оставшиеся монахи, жившие в домиках вокруг храма, надевали на себя монашескую одежду и пели хором: “Ис полла эти, дэспота!”

Мощи преподобного Нила Столбенского лежали в почести на солее. Помню, после службы три монаха – отец Стефан, отец Арсений и схимонахиня Рафаила – становились кругом аналая и справляли полностью монашеское правило.

В свой приезд в 1948 году я ночевала у схимонахини Рафаилы и по четкам ночью исполняла монашеское правило. На “Скоропослушницу” я причащалась, потому что это был день моего пострига. После причастия я читала благодарственные молитвы, а архимандрит Стефан потреблял Святые Дары. Окончив, весь напоенный благодатью Святых Даров, подходит ко мне и говорит: “Мне на сердце легло, чтобы вы ехали в Ригу к митрополиту Вениамину”. Я так и сделала, послав маме в Вышний Волочек записку такого содержания: “Мамочка, не беспокойся, я еду в Ригу на два дня, скоро вернусь”. Мамочка, прочтя мою записку, вздохнула и, со свойственным ей добродушным юмором, сказала: “Ну и дочка! С ней на китайскую границу попадешь!”

Когда правящим архиереем Калининской епархии стал архиепископ А., отец Стефан и отец Арсений попали в Калининскую тюрьму, где оба получили по 25 лет срока.

Вспоминаю, что архимандрит Стефан после 8 лет лагерей был освобожден, а отец Арсений в лагерях умер. Когда архимандрит Стефан, проезжая Москву, был у Святейшего Патриарха Алексия (Симанского), то Патриарх спросил его: “Знаете ли Вы, кто Вас предал?” Отец Стефан сказал: “Нет, не знаю”. Тогда Патриарх с горькой усмешкой, сдерживая слезы, сказал: “Его ...”

Пюхтица

Итак, Павлуша уехал в Вышний Волочек, а я поехала в Ригу, в Свято-Троицкий Сергиев монастырь, основанный фрейлинами Высочайшего Двора Екатериной и Наталией Мансуровыми, впоследствии схиигуменьей Сергией и схимонахиней Иоанной, умершей в лагерях.

С трудом нашла я, не зная латышского языка, монастырь. Игуменья Тавифа приняла меня очень приветливо, накормила и, узнав, что меня благословил архимандрит Стефан, сообщила Владыке Вениамину о моем приезде. И Владыка сам (!) пришел.

Меня поразил его взгляд, глубокий, мудрый и чистый. Ему я сказала свое монашеское имя, прибавив: "Грешная Сергия". Но он мне ответил: "О грехах только с духовником

на исповеди". Вечером я была на Всенощной в Сергиевом монастыре, а утром в городском соборе на Певческом поле, где служил Владыка. После обедни он служил молебен своему любимому святому — преподобному Серафиму.

Владыка рассказывал, как он сослужил Литургию отцу Иоанну Кронштадтскому. Привожу его собственные слова: «Во время совершения Таинства Евхаристии я нечаянно поднял глаза на батюшку отца Иоанна и остолбенел — батюшка весь светился, от него шли лучи! Я затрепетал и подумал: "Как ты велик, как ты велик!" В эту же минуту отец Иоанн протянул руку и постучал мне по голове со словами: "Не надо так думать, не надо так думать!"».

Владыка подарил мне свою неоконченную книгу об отце Иоанне Кронштадтском и, помню, говорил, что по типу отец Иоанн Кронштадтский и батюшка Серафим похожи и что это его любимые святые.

В один из вечеров в монастырь приехала староста одной из церквей г. Кемери Рижской епархии Надежда Андреевна Соболева (1899–1979), духовная дочь митрополита Вениамина, будущая монахиня Пюхтицкой обители — мать Силуана. Тут мы с ней и познакомились, и это знакомство было Промыслом Божиим для моего приезда на Пюхтицу. Она провожала меня на вокзал; мы расстались друзьями.

Примечания

¹ Иеросхимонах Стефан — в миру Дмитрий Иванович Игнатенко, 1875(?), станица Баксан Ставропольского края — 1973, Кисловодск.

² Семен Иудович (в монашестве о.Исаакий, в схиме о.Серафим) — духовный сын и келейник о.Стефана. Отравлен в 1986 г. неизвестными.

³ Архиепископ Иннокентий (Ястребов) родился 16 июля 1867 года в Астраханской губернии. В 1892 году окончил Казанскую духовную академию со степенью кандидата богословия и оставлен профессорским стипендиатом. С 1893 года — исполняющий должность доцента Казанской духовной академии. В 1898 году удостоен степени магистра богословия и

утвержден доцентом той же академии по кафедре калмыцкого языка. Преподавал историю миссии, этнографию монгольских племен и калмыцкий язык, он же практикант на разговорном калмыцком языке.

7 июня 1902 года пострижен в монашество, 8 июня – рукоположен во иеродьякона, а 9 июня – во иеромонаха. В 1905 году возведен в сан архимандрита.

29 июня 1906 года хиротонисан во епископа Каневского, викария Киевской епархии. 6 октября 1910 года назначен ректором Киевской духовной академии и управляющим на правах настоятеля Кисво-Братским Благовещенским монастырем.

11 июля 1914 года – епископ Полоцкий и Витебский. В этом же году утвержден в звании Почетного Члена Казанской и Московской академий. 10 января 1915 года уволен от управления епархией и назначен постоянно присутствующим в Святейшем Синоде. 14 января 1915 года – председатель Миссионерского совета при Святейшем Синоде и управляющий на правах настоятеля Ставропигиальным Московским Донским монастырем.

С сентября 1917 года по 19 марта 1918 года снова епископ Полоцкий и Витебский. С сентября 1918 года по 1922 год в третий раз в той же епархии. В 1920 году возведен в сан архиепископа. С 1926 года – архиепископ Ставропольский. В 1927 году – архиепископ Астраханский.

Скончался 22 мая 1928 года. Погребен на Даниловском кладбище (“Каталог русских архиереев за последние 60 лет (1897–1957 годы)”, составленный митрополитом Мануилом Лемешевским).

⁴ Митрополит Вениамин (в миру Иван Афанасьевич Федченков, 1880 – 1961). Управлял Рижской епархией с 1948 по 1951 год.

Мытарства¹

Зимой 1923/24 года я заболела воспалением легких.

В течение восьми дней температура держалась на 40,8 градусах. Приблизительно на девятый день болезни я видела знаменательный сон.

Еще в самом начале, в полузабытьи, когда я силилась творить Иисусову молитву, меня отвлекали видения – прекрасные картины природы, над которыми я словно плыла. Когда я вслушивалась в музыку или засматривалась на чудесные пейзажи, оставляя молитву, меня потрясала с ног до головы злая сила, и я скоро принималась за молитву. По временам приходила в себя и видела отчетливо всю окружающую меня обстановку.

Вдруг около моей кровати появился мой духовник, неромонах Стефан. Он, взглянув на меня, сказал: “Пойдем”. Памятуя всем сердцем учение Церкви относительно опасности доверия к видениям, я стала читать молитву “Да воскреснет Бог...” Прослушав ее с тихой улыбкой, он сказал: “Аминь” – и словно взял меня с собой куда-то.

Мы очутились как будто в недрах земли, в глубоком подземелье. Посреди протекал бурный поток с черной водой. Я подумала о том, что бы это означало. И в ответ на мою мысль отец Стефан без слов, мысленно мне ответил: “Это мытарство за осуждение. Осуждение никогда не прощается”.

В глубоком потоке я увидела мою знакомую, еще в то время живую. С ужасом взмолилась я о ней, и она как бы вышла сухая. Смысл виденного был такой: если бы она умерла в том состоянии, в каком была в то время, она бы погибла за грех осуждения, не покрытый покаянием.

¹ Известны две редакции “Мытарств”. Настоящий текст печатается по рукописному оригиналу из архива м. Сергия.

(Она, бывало, говорила, что детей в целях отвращения от греха надо приучать осуждать дурно поступающих людей.) Но так как час смертный ее не настал, то она сможет великими скорбями очиститься.

Мы пошли к истоку ручья вверх и увидели, что он вытекает из-под огромных, мрачных, тяжелых дверей. Чувствовалось, что за этими воротами — мрак и ужас... “Что же это?” — подумала я. “Там мытарства за смертные грехи”, — подумал мне в ответ ведущий. Слов между нами не было. Мысль отвечала на мысль непосредственно.

От этих ужасных, закрытых наглухо врат мы повернули обратно и словно поднялись выше. (К сожалению, я не помню всей последовательности виденного, хотя все видения передаю совершенно точно.)

Мы оказались словно в магазине готового платья. На вешалках кругом висело много одежды. Было нестерпимо душно и пыльно. И тут я поняла, что эти платья — мои мысленные пожелания хорошей одежды в течение всей жизни. Здесь же я видела свою душу словно распятую, повешенную на вешалке, как костюм. Душа моя точно претворилась в платье и пребывала, задыхаясь в скуке и томлении. Другой образ страдающей души был здесь в виде манекена, посаженного в клетку и тщательно модно одетого. И эта душа задыхалась от пустоты и скуки тех суетных тщеславных желаний, которыми тешилась в жизни мысленно.

Мне стало понятно, что в случае моей смерти здесь бы мучилась, томясь, в пыли моя душа.

Но отец Стефан провел меня дальше. Я увидела как бы прилавок с чистым бельем. Две мои родственницы (в то время еще живые) без конца переключивали с места на место чистое белье. Ничего особенно ужасного как будто эта картина не представляла, но на меня повеяло опять невероятной скукой, томлением духа. Я поняла, что такой бы была загробная участь моих родственниц, если бы они к этому

времени умерли; они не совершили смертных грехов, были девицы, но не заботились о спасении, жили без смысла, и эта бесцельность перешла бы вместе с их душами в вечность.

Затем я увидела словно класс, наполненный солдатами, с укором глядевшими на меня. И тут я вспомнила о своей недоконченной работе: одно время мне пришлось заниматься с увечными воинами. Но потом я уехала, не отвечала на их письма и запросы, оставив их на произвол судьбы в трудное переходное время первых годов революции...

Затем меня окружила толпа нищих. Они протягивали ко мне руки и говорили умом, без слов: "Дай, дай!" Я поняла, что этим бедным людям я могла бы помочь при жизни, но почему-то не сделала этого. Непередаваемое чувство глубокой виновности и полной невозможности оправдать себя наполнило мое сердце.

Мы пошли дальше. (Еще я видела свой грех, о котором никогда не думала, — неблагодарность по отношению к прислуге, именно то, что труд ее принимала как нечто должное. Но образ виденного забылся, остался в памяти только смысл.)

Должна сказать, что передавать виденные образы мне очень трудно: они не улавливаются словами, грубея, тускнея.

Вот путь нам загородили весы. На одну чашу сыпались непрерывным потоком мои добрые дела, а на другую падали с шумом и разлетались вокруг с сухим треском пустые орешки: это был символ моего тщеславия, самоценения. По-видимому, эти чувства вполне обесценили все положительное, так как чаша с пустыми орешками перевесила. Добрых дел без примеси греха не оказалось. Ужас и тоска охватили меня. Но вдруг откуда-то упал на чашу пирог или кусок торта, и правая сторона перевесила. (Мне показалось, что кто-то мне дал "взаимы" свое доброе дело.)

Вот остановились мы перед горою, горою пустых бутылок, и я с ужасом осознала, что это образ моей гордости, пустой, напыщенной, глупой. Ведущий подумал мне в

ответ, что если бы я умерла, то на этом мытарстве мне пришлось бы как бы открывать каждую бутылку, что составило бы непосильный труд и бесплодный.

Но тут отец Стефан взмахнул словно каким-то гигантским штопором, изображавшим собою благодать, и все бутылки разом открылись. Я, освобожденная, пошла дальше.

Надо прибавить, что я шла в иноческой одежде, хотя в то время только готовилась к постригу.

Старалась я ступать по следам духовника, и если же ступала мимо, то вылезали змеи и старались ужалить меня.

Духовник вначале был в обычном монашеском одеянии, превратившемся потом в царственную пурпурную мантию.

Вот подошли мы к бушующей реке. В ней стояли какие-то злые человекообразные существа, бросавшие друг в друга с неистовой злобой толстые бревна. Увидев меня, они завопили с какой-то ненасытной злобой, пожирая меня глазами и стремясь наброситься на меня. Это было мытарство гнева, проявленного, несдержанного. Оглянувшись, я заметила, что за мной ползет слюна, величиной с человеческое тело, но без форм, с лицом женщины. Никакими словами не могу я передать ненависть, сверкавшую в ее неотступно смотревших на меня глазах. Это была моя страсть раздражительности, словно тождественная бесу раздражительности. Надо сказать, что я ощущала там свои страсти, которые развила и раскормила в жизни, как нечто единое с бесами, их возбуждающими.

Эта слюна все время хотела обвить и задушить меня, но духовник отклонял ее, мысленно говоря: "Еще она не умерла, может покаяться". Неотступно, с нечеловеческой злобой глядя на меня, она ползла за мной почти до конца мытарств.

Затем мы подошли к запруде, или плотине, в виде как бы вала со сложной системой трубочек, через которые просачивалась вода. Это был образ моего гнева сдержанного, внутреннего, символ многообразных мысленных злобных построений, имевших место только в воображении. Если

бы я умерла, то мне бы пришлось словно через все эти трубочки протискиваться, процеживаться с невероятными муками. Опять чувство страшной безответной виновности охватило меня. "Еще не умерла", — подумал отец Стефан и увел меня дальше. Долго еще вслед мне неслись вопли и бешеный плеск из реки — гнева.

После этого мы опять словно поднялись выше и попали в какое-то помещение. В углу, как бы отгороженном, стояли какие-то чудовища, безобразные, потерявшие образ человеческий, покрытые и насквозь пропитанные каким-то отвратительным срамом. Я поняла, что это мытарства за непристойность, похабные анекдоты, неприличные слова. Я с облегчением подумала, что в этом-то я не грешна, и вдруг услышала, как эти чудовища ужасными голосами заговорили: "Наша, наша!" И мне с поразительной отчетливостью вспомнилось, как я, будучи десятилетней гимназисткой, писала в классе с подругой какие-то глупости на бумажках. И опять та же безответность, связанная с глубочайшим сознанием виновности, охватила меня. Но ведущий с теми же мысленно произнесенными словами: "Еще не умерла" — отвел меня. Поблизости, словно при выходе из этого отгороженного закоулка, я увидела свою душу в виде фигурки, заключенной в стеклянную баночку. Это было мытарство за гадание. Я почувствовала тут, как унижает, умаляет бессмертную душу гадание, превращая ее словно в безжизненный лабораторный препарат.

Далее в противоположном углу, как бы сквозь окна, ведущие в соседнее нижнее помещение, я увидела бесчисленное множество кондитерских изделий, расставленных рядами: это были съеденные мною сласти. Хотя бесов я здесь не видела, но от этих заботливо собранных в течение моей жизни проявлений чревоугодия веяло бесовским ехидством. Я должна была бы снова все это поглощать, уже без наслаждения, но как бы под пыткой.

Потом мы прошли мимо бассейна, наполненного беспрестанно вращающейся раскаленной, словно расплавленной, золотистой жидкостью. Это было мытарство за мысленно-извращенное сладострастие. Лютой мукой веяло от этой расплавленной двигающейся жидкости.

Затем я увидела душу моего знакомого (еще не умершего) в виде чудесного по цвету и нелепого по форме цветка. Он состоял из дивных розовых лепестков, сложенных в длинную трубочку: ни стебля, ни корня не было. Духовник подошел, обрезал лепестки и, глубоко всадив их в землю, сказал: "Теперь принесет плод".

Неподалеку стояла душа моего двоюродного брата, вся насквозь заложенная военной амуницией, словно души-то, собственно, и не было. Брат этот очень любил военное дело ради него самого; не признавал никаких других занятий для себя.

После этого мы перешли в другое, меньшее помещение, в котором стояли уроды: гиганты с крошечными головками, карлики с огромными головами. Тут же стояла я в виде огромной мертвой монахини, словно деревянной. Все это были символы людей, проводивших самочинно-подвижническую жизнь, без послушания и руководства: у одних преобладал телесный подвиг, у других была слишком развита рассудочность. В отношении себя я поняла, что будет время, когда я оставлю послушание духовнику и умру духовно. (Так и случилось, когда в 1929 году я, нарушив советы отца Стефана, ушла в раскол, не желая признавать митрополита Сергия, будущего Патриарха¹. Отломившись от древа жизни, я действительно внутренне высохла, омертвела и только по заступничеству Пресвятой Пречистой Владычицы нашей Богородицы вернулась в лоно Церкви.)¹ Ноги мои словно пристыли к полу, но после горячей молитвы к Божией Матери снова получила возможность идти дальше за отцом

¹ Текст в скобках добавлен из другой редакции "Мытарств".

Стефаном. Это было не мытарство, а как бы образ будущих моих уклонений от правильного пути ко спасению.

Потом потянулся ряд огромных пустых храмов, по которым мы утомительно долго шли. Я еле передвигала ноги и мысленно спросила отца Стефана о том, когда же кончится этот путь. Он сейчас же подумал мне в ответ: "Ведь это твои мечты, зачем столько мечтала?" Храмы, через которые мы проходили, были очень высокие и красивые, но чуждые Богу, храмы без Бога.

По временам стали встречаться аналои, перед которыми я, становясь на колени, исповедовалась, в то время как ведущий, ожидая, стоял рядом. Первый священник, которому я исповедовалась, был отец Петр (наш соборный протоиерей, у которого я действительно и исповедовалась первый раз после этого сновидения). Далее я не видела во время исповеди духовника, но исповедовалась часто у аналоев. Все это мне говорило о моей предстоящей жизни, о спасении через частое Таинство исповеди.

Вдруг мы услышали как бы барабанный бой и, оглянувшись, увидели в стене справа икону святителя Феодосия Черниговского, который мне словно напоминал о себе. Святитель стоял в кивоте во весь рост, живой. Я вспомнила, что в последнее время перестала ему молиться.

Затем, когда мы пошли дальше, навстречу нам вышел святитель Николай Мирликийский. Он был весь розовый и золотой, как лепесток розы, пронизанный золотистыми лучами солнца. Моя душа содрогнулась от соприкосновения со святыней, и я в ужасе бросилась ниц. Заныли мучительно все язвы душевные, словно обнаженные и освещенные изнутри этой потрясающей близостью со святостью. Лежа ниц, я между тем видела, как святитель Николай поцеловал духовника в щеку... Мы пошли дальше.

Вскоре я почувствовала, что Матерь Божия может спуститься к нам. Но моя немощная грехолюбивая душа

заметалась отчаянно от невозможности непосредственного общения со святыней.

Мы пошли и почувствовали, что близко выход. Почти у самого выхода я увидела мытарство одного моего знакомого, а по выходе — одну монахиню, которую словно подбрасывали на доске вверх. Но здесь чужие грехи не привлекали совершенно моего внимания.

Потом мы вошли в храм. Притвор был в тени, а главная часть храма — залита светом.

Высоко в воздухе около иконостаса стояла стройная фигура девушки необычайной красоты и благородства, облеченная в пурпурную мантию. Овальным кольцом в воздухе окружали ее святые. Эта дивная девушка показалась мне необычайно знакомой, родной, но я тщетно силилась вспомнить, кто она: “Кто ты, милая, родная, бесконечно близкая?” И вдруг что-то внутри мне сказала, что это моя душа, данная мне Богом, душа в том девственном состоянии, в каком она была из купели крещения: образ Божий в ней не был еще искажен. Окружали ее святые заступники, не помню, кто именно, — один, помнится, был словно в древних святительских одеждах. Из окна храма лился чудный свет, озаряя все кротким сиянием. Я стояла и смотрела, замирая.

Но тут из сумеречной тени притвора ко мне подошло ужасное существо на свиных ногах, развратная баба, безобразная, низкая, с огромным ртом, с черными зубами поперек живота. О, ужас! Это чудовище была моя душа в настоящем ее состоянии, душа, исказившая образ Божий, безобразная.

В смертной безысходной тоске затрепетала я. Чудовище как бы хотело прильнуть ко мне со злорадством, но ведущий отстранил меня со словами: “Еще не умерла”, — и я в ужасе устремила за ним к выходу. В тени, вокруг колонны, сидели и другие подобные уроды — чужие души, но не до чужих грехов мне было.

Уходя, я оглянулась и опять с тоской увидела в воздухе, на высоте иконостаса, ту родную, близкую и давно забытую, утерянную...

Мы вышли и пошли по дороге. И тут как бы стала изображаться моя предстоящая земная жизнь: я увидела себя среди старинных, занесенных снегом монастырских построек. Меня окружили монахины, словно говоря: "Да, да, хорошо, что пришла". Подвели меня к игумену, тоже приветствовавшему мое прибытие. Но я почему-то страшно не хотела оставаться там, сама себе удивляясь во сне, так как в этот период жизни (перед болезнью) уже стремилась к монашеству.

Потом как-то мы вышли оттуда и очутились на пустынной дороге. Около нее сбоку сидел величественный старец с большой книгой в руках. Мы с духовником стали перед ним на колени, и старец, вырвав лист из книги, подал его отцу Стефану. Тот взял его и — исчез. Я поняла — умер. Исчез и старец. Я осталась одна. В недоумении, со страхом я пошла вперед, дальше по пустынной песчаной дороге. Она привела меня к озеру. Был закат. Откуда-то доносился тихий церковный звон. На берегу озера стеной стоял бор. Я остановилась в полном недоумении: дороги не было. И вдруг, скользя над землей, в воздухе передо мной явилась фигура духовника. В руках у него было кадило, и он строго смотрел на меня. Двигаясь в сторону леса лицом ко мне, он кадил и словно звал меня. Я последовала за ним, не спуская с него глаз, и вошла в чащу леса. Он скользнул сквозь стволы деревьев, как призрак, и все время кадил, неотступно глядя на меня. Мы остановились на полянке. Я опустилась на колени и стала молиться. Он, бесшумно скользя вокруг полянки и не спуская с меня строгих глаз, покадил ее всю и исчез — я проснулась.

Несколько раз во время этого сна я приходила в себя, видела комнату, слышала дыхание спящей родственницы.

Сознательно не желая продолжения сновидения, я читала молитву, но снова против воли словно уходила из себя.

Когда я теперь окончательно проснулась, то ясно поняла, что умираю, и тут всю свою жизнь ощутила как бесцельную, не подготовившую меня к вечности.

“Даром, даром прожита жизнь”, — твердила я и с горячей молитвой приникла к Царице Небесной, дабы Она испросила мне время на покаяние. “Обещаю жить для Сына Твоего”, — вылилось из глубины моего сердца. И в тот же момент словно благодатной росой обдало меня. Жара как не бывало. Я почувствовала легкость, возвращение к жизни.

Сквозь ставни, в щели, я увидела звезды, зовущие меня к новой, обновленной жизни...

Наутро врач констатировал мое выздоровление.

Примечания

¹ Епископ Тихон, бывший Гомельский, погибший в лагерях, которого м.Сергия видела всего один раз в жизни, окончательно и твердо убедил ее в том, что митрополит Сергей — законный глава Церкви. Вот почему так бережно, в назидание себе и другим, находящимся в расколе, хранила м.Сергия воспоминания рясофорной инокини Юлии (Ильиной), бывшей письмоводительницы Елецкого женского монастыря. Приводим текст воспоминаний.

«Приблизительно в 1927 году в город Елец прибыл на жительство бывший викарий Воронежской епархии епископ Алексей Буй, вынужденный оставить свою кафедру ввиду того, что он стал в оппозицию каноническому возглавлению Русской Православной Церкви в лице митрополита Сергея.

Как лично, так и чрез приехавших с ним лиц (иеромонахов), он начал привлекать к себе сестер местного монастыря и мирских, внушая им мысль о неправославии всех тех, кто следует за митрополитом Сергием, подписавшим “декларацию”.

Кроме того, епископ Алексей, совершенно не стесняясь канонами, позволял себе вмешиваться в местную церковную жизнь, постригая в монашество многих из своих последовательниц.

В то время каноническим Елецким епископом был Преосвященный Василий, викарий Орловской епархии.

Преосвященный Василий почти ежедневно служил по церквам города Ельца и в произносимых им проповедях касался и деятельности епископа Алексия Буя — разъясняя верующим неканоничность и мятежный характер оной.

За это свидетельство об истине Преосвященный Василий подвергался яростным нападкам со стороны отпавших от послушания законному Церковному Священноначалию.

До своего назначения на Елецкую кафедру Преосвященный Василий отбывал ссылку вместе с Местоблюстителем Московского Патриаршего престола Преосвященным Петром, митрополитом Крутицким, отношении которого к митрополиту Сергию было известно Преосвященному Василию непосредственно от Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра.

И вот, Преосвященный Василий, дабы призвать отпавших от церковного общения к миру и раскаянию, разослал по церковноприходским общинам особый письменный Циркуляр (мною неоднократно прочитанный и переписанный — *рясофорная инокиня Юлия*), в котором сообщил о завете митрополита Петра всем чадам Русской Православной Церкви.

Воспроизвести этот циркуляр слово в слово я, за давностью времени, не смогу, но в общем смысл был таков:

В опровержение распространяемых епископом Алексием Буюм учений о незаконности и безблагодатности митрополита Сергия и, следственно, неправоверия Церкви, за ним следующей и им фактически возглавляемой, я передаю всем завет моего отца, благодетеля и друга Высокопреосвященного Петра, митрополита Крутицкого, который он мне лично завещал, провозжая меня на пароход при отъезде моем из совместной с ним ссылки, где мы жили с ним вместе около двух лет в одном доме зырянина в Обдорском краю. Он завещал: "Говори всем, всем от меня, чтобы все держались митрополита Сергия; кто отделится от него, тот погибнет. Только ему законно дана благодать преемника Блюстителя Патриаршего престола, и в единении с ним только получают спасение, а все отпавшие от него — погибают". (Слова, взятые в кавычки, — точные слова митрополита Петра.)

Записано сие по просьбе Преосвященного епископа Тихона и подписано мною собственноручно. Рясоф. иш. Юлия Ильина. (Записка сия во всем согласна с рассказом, слышанным мною лично из уст инокини Юлии. Епископ Тихон, бывший Гомельский. г. Самарканд УзССР, 1 окт. 1935 г.)

Часть вторая

Стихотворения

Посвящается светлому другу моему
Надежде Захаровне¹

В ночи бессонные, в ночи страдания
Крестик сжимаю усталой рукой
И уголяю им боль испытания,
Плача незримой, сиротской слезой.

Сон по ступенькам тюрьмы тихо крадется,
Звездного хора мерцают лучи,
Мир и отрада от Господа дарятся
Узникам в долгой и скорбной ночи...

Крестик над каждой душой возвышается,
Распятый кротко на узы глядит.
Богу молитва в тюрьме поднимается,
Реет над миром, над скорбью парит...

Декабря 13, 1930 г. Новорос. ИТД

¹ Надежда Захаровна Чага — врач; работала в лагерях.

Монахиня Сергия (Новороссийск, 1930 г.)

Стихотворение было написано на обороте этой фотографии. В конце приписка: "Голубушка родная Надежда Захаровна, спасибо Вам за свет, тепло и ласку. Вспоминайте грешницу Сергию, арестантку".

Посвящается образу Божией Матери,
именуемому Владимирским, находящемуся
в Третьяковской галерее

Как лилия, в сиянье лунной ночи,
Цветешь и ныне Ты небесной красотой,
И лик Твой так же тих, и так же скорбны очи,
Глядящие на мир, объятый суетой.

Не слышится вокруг молитвенного пеня,
Кадильный фимиам не стелется волной.
Но Ты жива для нас, и чуждо Тебе тленье,
И ангелы хранят Твой образ всечестной.

И пусть среди картин стоишь Ты на позоре¹,
Но сердце верных для Тебя – алтарь.
И ныне мы в Твоем Пречистом взоре
Черпаем благодать, целебную, как встарь.

1946 г.

¹ Позор – церковнославянское слово, употребляемое в значении “зрелище”.

Маме

Светлый облик твой кроткий и благостный,
Как виденье, парит надо мной,
Освещающая путь жизни безрадостный,
Опустевший в разлуке с тобой.

Взгляд твой добрый и мудрость молчания,
Юмор мягкий и строгость к себе,
Мелодичное речи звучание
Помнят все, кто встречался тебе.

Благородного сердца терпение,
Тихий шелест молитвы в устах.
Слезы тайные, слезы смирения
Не забудет Господь в небесах.

И когда на твое изголовие
Опустилась смертельная сень,
Верю я, что Христовой любовью
Засиял тебе вечности день.

*1952 г. 4/17-19 августа (сорокоуст),
Серебряники*

Уже длинной вереницей
Накопились дни разлуки,
Но подстреленною птицей
Сердце бьется, бьется в муке.

Вечер хладный, день без света,
И огни воспоминаний,
И не слышится ответа
На призыв моих стенаний.

Только Тот, Кто Кровью Жертвы
Дал погибшим воскресенье,
Только Тот, Кто царству мертвых
Возвратил жизнь и спасенье, —

Тот разлуку разрушает,
Как мираж во мгле пустыни,
И два сердца обручает
В тайне Своей благостыни.

*Осень 1953 г.
Поезд Москва—Загорск*

Маме¹

Твоя любовь, великая, как море,
Ледеяла меня с рассвета детских дней.
И может ли престать и умалиться горе
Со дня кончины праведной твоей?

Ты тихо отошла, отдав всю жизнь служенью,
В молитве, кротости, смиренье и любви,
В великом и святом долготерпенье,
Хоть тело было в муках и крови.

Звучат аккорды мощные святых воспоминаний,
Из дали голубой струится мерный звон —
То лик твой видится, то, полный чарованья,
Твой голос слышится, иль тихий, скорбный стон.

Хочу воздать тебе хвалу благодарений,
Венок сплести из терний и из роз...
И сердце верит просто, без сомнений,
Что в Свете Горнем близ тебя — Христос

1 января 1954 г., Хотьково

¹ Стихотворение взято из письма к Н.П.Евдокимовой от 3.01.1954 г. "...Спасибо, что любишь и помнишь мою маму, даже скучаешь о ней. О, как мне это дорого! Мне ведь не с кем поговорить, потосковать о ней. Все внутри. И знаешь, от полноты чувства сами собой во мне рождаются стихи о ней. Вот, например, 1 января схала я из Загорска, а сердце все было к ней, присхала, стала топить печь, и в результате родилось само, почти без помарок выдилось на бумагу это стихотворение... Не подумай, что я трачу на это время, нет, это идет вместе с дыханием, под стук колес, под треск дров, среди обыденных дел..."

Чудское озеро

Преданья старины и летописи звуки
Зовут к твоим песчаным берегам.
Здесь шли бои, и стон смертельной муки
С аккордом волн стремился к небесам.

И здесь в шеломе и кольчуге бранной
Сражался князь, надежда россиян.
Как Божий гнев за честь страны поправной
Он душу полагал за родичей славян.

Прошли века, сменились нравы, речи.
И берег обмелел, и лес уже не тот.
Но пыль веков не замела той сечи,
Что в памяти хранит народ.

И благоверный князь живет не умирая,
В молитве близкий и такой родной,
Всю Русь хранит от края и до края,
И шепчет озеро о славе боевой.

Живешь ты в зареве святых воспоминаний,
 В звучанье горестном оборванной струны,
 И время не сотрет былых страданий,
 Что Промыслом тебе присуждены.

Улыбка ясная синеего моря,
 Зеленый кедр и стройный кипарис —
 Свидетели немеркнувшего горя,
 Как тернии, в чело твое впились.

И время для тебя остановилось,
 И странницей по жизни ты идешь,
 Но тайна бытия тебе открылась,
 Христова правда победила ложь.

Ты знаешь, что незримо рядом
 Идут страдальцы легкою стопой,
 И бодрствуют над одиноким чадом,
 Окутанным земною суетой.

Окончится твоя скалистая дорога,
 Придет и твой назначенный конец...
 И встретит у небесного порога
 С улыбкой светлую заждавшийся отец.

24 сентября 1957 г.

¹ Это стихотворение посвящено ныне покойной ипокине Игнатии (в миру Верс Игнатьевна Балнцкой), в память об ее отце и брате, расстрелянных в Крыму в 1920 году. Начало стихотворения утеряно.

*Записано 8 октября 1990 г., в день памяти
преподобного Сергия Радонежского.*

Государь Николай II был молитвенник. Кроткий, верующий человек. Не верьте ничему плохому, что о нем говорят. 9 января 1905 года его не было в Петербурге, он был в Гатчине и только вечером узнал о случившемся. Все устроил Гапон.

А вот великая княгиня Елизавета Федоровна – преподобномученица. Ее жизнь – поток добрых дел. Она была замужем за великим князем Сергеем Александровичем. Революционер Каляев бросил в него бомбу в 1905 году, и его разорвало на части. Когда Каляева приговорили к смерти, Елизавета Федоровна вымолила у Государя для него прощение и свободу. Сама пришла к убийце в тюрьму, но Каляев отказался от освобождения, сказав, что революционеры все равно его задушат. “Я обреченный”.

Когда в 1904 году у Николая II родился наследник, Государь приехал в Чудов монастырь, чтобы у мощей святителя Алексия, где он вымолил себе сына, отслужить благодарственный молебен.

Чудов монастырь был устроен Алексием митрополитом в благодарность Богу, в то время когда на Руси было татарское иго. У хана, властителя Русской земли, ослепла жена Тайдула. И он прислал за митрополитом Алексием и передал ему: “Приезжай, проси своего Бога, чтобы она

¹ Рассказы записаны со слов м. Сергии. Подготовлены к печати составителями.

исцелилась, а если ты не приедешь, то я сожгу твою Москву". Митрополит Алексей, по своему глубочайшему смирению, считал себя недостойным ехать – исцелять. Он пришел к мощам своего предшественника митрополита Петра в алтарь и стал молиться, что не смеет этого сделать. И в это время зажглась сама лампадка у раки святителя Петра. Тогда митрополит Алексей понял, что благословение ехать есть. Он поехал и исцелил, и не только исцелил, но и крестил Тайдулу. Она стала христианкой. И когда митрополит Алексей уезжал, Тайдула дала ему охранную грамоту, чтобы его никто не обидел, и просила посадить его так, чтобы ветер на него не дул. Этот свиток на татарском языке я держала в руках.

Возвращаюсь к основной теме. В то время в Чудовом монастыре был прозорливый старец – игумен Герасим¹. Он и встречал царя. Государь, целуя крест, сказал старцу: "Я приехал благодарить за рождение сына", на что отец Герасим, кропя царя святой водой, прямо ему в глаза ответил: "Все равно ты последний в роде", а шедшей за Государем Елизавете Федоровне: "А тебя живой в колодец бросят". Государь побледнел, ничего не сказал. (Все это рассказала мне очевидица событий, Евгения Леонидовна, в замужестве Четверухина², бывшая в числе встречавших царя. "На нас надели сарафан и кокошник, дали покрытое полотенцем резное блюдо с караваем хлеба и серебряной солонкой, – вспоминала Е.Л. – И когда мы услышали ответ старца Герасима, мы затряслись, чуть солонку не уронили".)

Так что Елизавета Федоровна знала, что ее ждет. Когда в 1918 году ее пришли арестовывать, она вышла такая радостная, что солдаты не смогли ее арестовать. Первые ушли, пришли другие. А когда в ночь на 5 июля Елизавету Федоровну и других алапаевских узников вели к месту казни, она шла такая светлая, всех подбадривала: "Не бойтесь. Ведь мы идем в Царство Небесное! Нас ждет Христос!"

Палачи удивлялись: "Ну и Великая княгиня!" Она просила не завязывать ей глаза и бросить в шахту последней.

Вместе с Елизаветой Федоровной в шахту были сброшены ее келейница инокиня Варвара, Великий князь Сергей Михайлович, его секретарь Федор Ремиз, Владимир Палей, сын Великого князя Павла Александровича, и сыновья Великого князя Константина Константиновича (знаете, был такой известный поэт Константин Романов, или К.Р.): Иоанн, Константин и Игорь. Дети К.Р., Константиновичи, были очень религиозны, особенно князь Иоанн, и совершенно аполитичны. Старший Иоанн был женат на дочери сербского короля Елене Петровне. Она умоляла вождя революции освободить его, говорила, что он такой же поэт, как и его отец, обещала увезти в Сербию. Но тот отказал, сказав, что она сама может ехать к отцу, а князь Иоанн останется.

Всех, кроме Великого князя Сергея Михайловича, бросили в шахту живыми. Елизавета Федоровна упала не на дно шахты, а на выступ, сильно ударилась головой. Она не сразу погибла. Сделала еще перевязку князю Иоанну и пела молитвы. Крестьянин, проезжая мимо, слышал это пение.

Я читала протокол вскрытия, весь отчет. У Елизаветы Федоровны было кровоизлияние под теменную кость. И когда адмирал Колчак доставал тела мучеников, оказалось, что Елизавета Федоровна была совершенно не поломана. Ее нетленные мощи почивают сейчас в Иерусалиме, в храме святой равноапостольной Марии Магдалины.

Вот такая ее жизнь. А какую клевету терпела она и ее родная сестра, Государыня Александра! Их называли немками, шпионками...

По всей Москве были бесплатные больницы, созданные Елизаветой Федоровной. В Марфо-Мариинской обители была больница, считавшаяся лучшей в Москве. Глазное отделение этой больницы возглавлял профессор Головин Сергей Селиванович³. Я познакомилась с ним в Кисловодске,

когда он и его жена искали прачек, не кладущих в белье жавель. (Жавель отъедал пятна, но оставались дырки.)

Жена Сергея Селивановича, настоящая московская *grande dame*, никак не могла поверить, что я и моя родственница (в будущем монахиня Серафима) – прачки. Я говорю: “Мы пришли. Тут ищут прачек?” – “Да, да, пожалуйста, заходите, садитесь, пожалуйста. Когда прачки придут?” Я отвечаю: “Мы прачки”. Она не понимает. Мы с Софьей Дмитриевной, мы обе, закончили гимназию с медалью, она – Екатерининскую, а я – Нахичеванскую.

Протоиерей Иоанн Домовский (†1930)

Это была гимназия в Нахичевани-на-Дону, в которой Закон Божий преподавал прозорливый старец о. Иоанн Домовский. О нем о. Иоанн Кронштадтский говорил приезжающим к нему людям: “Зачем вы приезжаете ко мне? У вас свой Иван есть”.

Итак, жена Головина опять спрашивает, когда придут прачки. Я говорю: "Мы прачки". Она опять начинает говорить: "Нам нужны прачки, которые не кладут жавель". Я говорю: "Мы жавель не кладем". Она восклицает: "Да нам прачки нужны!" Говорю: "Мы прачки, мы стираем".

Да, тогда так ведь и было в действительности. Например, профессор Г., хирург Военно-медицинской академии, в то время шил дамские ботинки, шил очень хорошо, потому что руки у него были замечательные. И выходили замечательные ботинки. А мы были прачки.

Когда наконец жена Головина поверила, что мы не шутим, она позвала: "Сергей Селиванович, посмотри, какие к нам прачки пришли!"

Так мы и познакомились с этой семьей и стали настоящими духовными друзьями. Они были церковные люди, близкие к Патриарху Тихону, в котором одном тогда заключалось Православие.

Сергей Селиванович вспоминал о конференции, где рассматривался вопрос о закрытии в Москве больниц, основанных Великой княгиней Елизаветой Федоровной Романовой. На конференции присутствовали вождь революции, Семашко и тайный враг Головина — глазник Авербах. Когда С.С.Головину предоставили слово, то он встал и сказал, что если в наше время есть святые, то к ним он в первую очередь относит Елизавету Федоровну Романову. А что касается вопроса о больницах, основанных Великой княгиней, то они прекрасно оборудованы, многим людям в них бесплатно возвращено зрение. Эти больницы надо не закрывать, а сохранить!

Авербах торжествовал: Головин себя загубил! Действительно, он прямым сообщением пошел в ЧК, но тут вмешались все заграничные полпредства, и Кембридж, и Оксфорд (ведь Головин имел европейское имя, был доктором Кембриджа), и его освободили. Но Сергей Селиванович

получил инфаркт и как больной приехал в Кисловодск. Здесь и произошла наша встреча.

2

Записано 8 ноября 1993 года.

Завтра Православная Церковь празднует память святого мученика Нестора Солунского. И мне хочется вспомнить рассказ о том, кого называют апостолом Камчатки, то есть о митрополите Несторе (Анисимове)⁴. Этот рассказ я слышала от нашей монахини Серафимы Резон⁵, урожденной Чичаговой. Она же слышала его из уст самого митрополита Нестора.

Большой подвиг совершил митрополит Нестор. Был среди оспенных больных, среди прокаженных, лечил их, крестил, просвещал. И вот за этот подвиг ему было дано такое видение.

Приблизительно в 1920 (1921?) году митрополит Нестор приехал в Читу, город на границе с Китаем, чтобы оттуда эмигрировать. Он служил на родине последнюю Литургию в соборе, где тайно, под спудом, были погребены тела алапаевских мучеников¹. Но об этом никто, кроме настоятеля, не знал.

Во время совершения малого входа все священнослужители выходят из алтаря на середину храма с Евангелием, свечами, дикирием, трикирием, рипидами. Митрополит Нестор стоит посредине храма на приготовленном для него амвоне. В это время Владыка видит, как из левого придела, живая, выходит Елизавета Федоровна. Молится пред

¹ В книге Л.Миллер "Святая мученица Российская Великая княгиня Елизавета Федоровна" есть сведения о том, что тела алапаевских мучеников были привезены в Читу, в Покровский женский монастырь, и тайно погребены в одной из келий, где для этого был разобран пол.

алтарем и последней подходит к нему. Он ее благословляет. Все переглядываются. Кого он благословляет? Пустое место? Никто ничего не видит.

“Владыка, малый вход!”

Но Владыка Нестор никого не слышит. Радостный, сияющий, он входит в алтарь. В конце обедни говорит настоятелю: “Что же ты скрываешь? Елизавета Федоровна жива! Все неправда!”

Тогда настоятель заплакал. “Какой там жива! Она лежит под спудом. Там восемь гробов”. Но Владыка не верит: “Я видел ее живую!..”

3

*Записано в день памяти св. апостола Симона
Кананита (10/23 мая 1994 года)*

В Абхазии, близ Сухума, находилось отделение русского Пантелеймоновского монастыря на Старом Афоне. Это был Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь, названный так в честь апостола Симона Кананита. Господь назвал этого апостола Зилотом (что значит “ревнитель”) за его ревность о проповеди Евангелия.

Жил он в Кане, и у него на свадьбе был Господь Иисус Христос, Который сотворил там Свое первое чудо – превратил воду в вино.

Когда Симон узнал от архитриклина, откуда это прекрасное вино, то он сам и его молодая жена встали и пошли вслед Спасителя.

Апостол Симон проповедовал Евангелие всему миру и принял мученическую кончину на Кавказе, на реке Псыртси, где дикие лазы, которым он проповедовал веру Христову, сделали крест и распяли его. Весь камень, на котором стоял до революции крест, облит кровью. Мы с монахиней

Ионой¹ там были и прикладывались к этому камню посреди реки (крест уничтожен большевиками).

Жена Симона Кананита, Саломия, служила Господу и Его Матери и потом как жена-мироносица стояла у Креста вместе с Божией Матерью.

Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь был основан в 70-е годы XIX века. Во время русско-турецкой войны сожжен, но тотчас же после ее окончания отстроен.

Строителем и первым настоятелем монастыря был знаменитый архимандрит Иерон, приехавший со Старого Афона. Он происходил из крестьян Костромской губернии, в 27 лет ушел на Афонскую гору, где был пострижен в монахи.

По рассказам очевидцев, отец Иерон был примерным инок и прекрасным художником-инженером, обладал обширными знаниями в строительном деле и неутомимой энергией.

Рассказывал один иеромонах, который молодым пришел в монастырь при архимандрите Иероне: «Один архиерей жаловался в Синод, что архимандрит Иерон его не слушается. Синод ответил архиерею: “Архиереев у нас много, а Иерон один!”»

Про себя этот иеромонах рассказывал следующее: «К монастырю по берегу моря шли две дороги: верхняя и нижняя. Нижняя — очень близко от морской воды. И вот однажды архимандрит Иерон вызвал меня к себе и говорит: “Поезжай за мукой в Гудаути (этот город расположен на берегу моря), но не вздумай с волами ехать по нижней дороге”. Я поклонился, сказал: “Благословите”, а сам думаю про себя: “Как раз так я и поеду по верхней, она гораздо трудней и дольше”. И, конечно, в обратный путь поехал по нижней дороге.

Была страшная жара. Волы, как только почуяли свежий морской ветерок, сейчас же свернули с дороги в море и стали по пояс в воде. Я их и бил, и колотил, и крестил, и

¹ Монахиня Иона (Сопелкина) — монахиня Пюхтыцкого монастыря.

умолял ехать, и молился, а они — ни с места, пока не село солнце. А муку надо было срочно доставить. И вот, когда я уже в темноте приехал в монастырь, отцу Иерону доложили: “Привез муку!” Он меня вызвал к себе и прямо мне в лоб: “По нижней дороге ехал?” Я падаю ему в ноги, говорю: “Простите, да!” А он меня — палкой!»

Архимандрит Иерон был не только хороший хозяин, но и мудрый духовный руководитель.

Другой ново-афонский монах (он служил в войну диаконом в соборе Вышнего Волочка, звали его тогда отец Харитон; был, конечно, в ссылке, после которой приехал в Вышний Волочек; а затем, когда открыли границу в Печоры, поступил в Псково-Печерский монастырь, где и умер архидиаконом Харалампием, там и похоронен в пещерах; упокой, Господи, его душу; хороший был монах) рассказывал:

«Отец Иерон очень внимательно готовил нас к Святому Причастию. В монастырской трапезной был отдельный “стол для говеющих”, на котором, между прочим, были масла из монастырского сада. (Осенью масла рассылались с Нового Афона по всем монастырям, рассказывали мне кавказские монахини. — *Прим. матери Сергии.*) И за духовным чтением следил отец Иерон».

Мощи святого апостола Симона Кананита сохранялись в церкви его имени рядом с главным корпусом монастыря. В советское время мощи не тронули, но сделали в церкви городскую библиотеку. А снаружи, на стене, написали о Симоне Кананите, без глумления. Мощи сохранялись под спудом.

Главная святыня монастыря — икона Божией Матери “Избавительница” — была прислана из Русского Пантелеймоновского монастыря со Старого Афона. На иконе изображено следующее: ее (икону) держат с одной стороны святой великомученик и целитель Пантелеимон, а с другой — апостол Симон Кананит.

Икона "Избавительница" была с императором Александром III, когда он с семьей ехал с Кавказа в Петербург, а революционеры развели рельсы и устроили крушение поезда у станции Борки. Но вовремя спас сторож, а жертвы все-таки были. Старшей сестре будущего Государя Николая II Ольге Александровне было тогда 6 лет. Ее выкинуло из вагона. Повредились шейные позвонки, и она на всю жизнь осталась сутулой. Это случилось 17 октября 1888 года. Спасла "Избавительница".

4

"Андрюшка"

Этот рассказ я слышала от Пелагеи Ивановны, у которой жила в Кисловодске в 1921 (1922) году.

В это время я болела туберкулезом легких. И вот однажды приходит ко мне Пелагея Ивановна с маленькой иконочкой в руках (фотографией отца Амвросия). И начинает свой рассказ:

«В молодости я работала учительницей в деревне, где мой отец был священником. Когда он состарился, приход перешел к другому священнику. Однажды приходит ко мне его матушка, заплаканная, и говорит: "Что нам делать? Ваш батюшка уже не служит, и Вы его содержите. А что нам делать? Нашей дочке Любочке 16 лет, и ей мы нашли хорошего жениха-семинариста. Он кончит семинарию, женится на Любочке и примет наш приход, и мы останемся в этом доме, ведь дом-то церковный. А Любочка и слышать не хочет. Она влюбилась в какого-то Андрюшку и говорит: "Я попадьею не буду и ни за какого семинариста замуж не пойду". А дом-то церковный. У нас ничего нет. Мой муж уже стареет, служить скоро не сможет, тогда дом

отдадут новому священнику. А Любочка и слышать ничего не хочет. "Пойду за Андрюшку – и все". А ведь у этого Андрюшки тоже ничего нет. Так вот, уважаемая Поля, о чем я Вас прошу. Здесь есть в 60 верстах Оптиная пустынь. Дорога лесом короткая. Народ идет толпами туда, в пустынь, к старцу иеросхимонаху Амвросию. Не сводите ли Вы туда нашу Любочку? Может, этот батюшка – говорят, он прозорливый, святой – поможет нам".

Я с радостью согласилась, потому что и сама давно хотела пойти в Оптину к старцу Амвросию. Нам дали деньги на гостиницу, и мы с Любочкой пошли пешком. Любочка всю дорогу болтает об Андрюшке и говорит, что никакой старец Амвросий ей не нужен. Все равно она выйдет замуж за Андрюшку. Я иду молчу. Будь что будет. Пришли в Оптину. Народа – тысячи. Насилу нашли место в гостинице. Но нас предупредили, что жить можно только три дня, такой огромный наплыв народа.

На следующий день после обедни, напившись чаю, мы с Любочкой пошли. Узнали, что отец Амвросий живет в скиту, но к нему огромная толпа народу и что попасть за три дня очень трудно.

Любочка сейчас же куда-то исчезла, видимо, пошла за ягодами в лес. А я легко нашла хибару батюшки и встала в конец огромной очереди. Увы! В этот день увидеть батюшку мне не пришлось. Когда он выходил на общее благословение, народ так бросался к нему, отталкивая меня, что я ничего не добилась. То же самое повторилось и на другой, и на третий день. Нас предупредили, что пора уходить. Народ ждет очереди, спит в лесу на земле. Я расплакалась, а Любочка весело рассмеялась.

И вот подходит последний день. Любочки и близко не видно. Она очень довольна, купается в реке Жиздре, собирает ягоды в лесу. Я встала очень рано, на рассвете, пробралась к батюшкиному крылечку. Решила тут же броситься

вперед и хоть ручку поцеловать. Уж об Андрюшке и вспомнить некогда. И вот стою я, молюсь и плачу о таком неудачном посещении. Вдруг с противоположной стороны вижу, что из леса идет батюшка. По фотографии я узнала, что это сам отец Амвросий. Идет, весь погруженный в беседу с каким-то мужчиной. Откуда ни возьмись — навстречу ему Любочка. И прямо с разбегу головой ударила ему в грудь. Я тоже бегом к нему. А народ смотрит напряженно на его дверь и батюшку еще не видит.

Когда Любочка стукнулась о батюшку отца Амвросия, он улыбнулся своей добрейшей улыбкой и, протянув руку, постучал ей по голове со словами: “Эх, Андрюшка!” Любочка окаменела. А я бросилась поцеловать ему руку. Но тут народ увидел его. Толпа ринулась к нему. Нас с Любочкой оттолкнули за высокие сосны. Я говорю: “Любочка, надо уходить”. Любочка молчит. Народ кругом кипит. Мы издали поклонились в землю батюшке и тихонько пошли домой.

Если Любочка сюда шла, болтая все время, то теперь она возвращалась молча, опустив голову. И так молча мы вышли на нашу опушку. Я, увидев нашу церковь, с горечью воскликнула: “Ну, что я скажу твоим родителям? Где-то пропадали трое суток, деньги истратили. И ты, Любочка, опять с этим Андрюшкой...” А Любочка как закричит: “Ни слова о нем! Я его видеть не могу!”

Таков был отец Амвросий».

Окончив свой рассказ, Пелагея Ивановна благословила меня этой иконочкой и поставила ее возле моей кровати. И я начала выздоравливать от туберкулеза. Теперь, слава Богу, отец Амвросий канонизирован. А его фотографию я должна была вернуть Пелагее Ивановне.

“Совопросник века сего”

Этот рассказ о моем большом друге Данииле Марковиче Кохно.

Родился он в 1886 году в с. Лебедин Чигиринского уезда Киевской губернии в семье очень бедного крестьянина. У его отца было 11 душ детей и 1,5 десятины земли, так что в 6 лет Даниил был уже пастухом у богатого крестьянина. До 21 года он не знал ни одной буквы. Потом без разрешения отца со своим двоюродным братом, послушником Киево-Печерской Лавры, уехал в Киев. Занялся самообразованием, поступил в Лавру, но, разочаровавшись, вышел оттуда. Учился фотографии, а вскоре поступил учеником к фотографу и стал фотографом-профессионалом. Горько увлекся учением Л.Н.Толстого. Как толстовец, отказался идти на войну 1914 года, за что попал в Петропавловскую крепость, где и застала его революция.

В книге В.В.Шульгина “Дни” приводится описание одного эпизода, участником которого был Даниил Маркович Кохно.

В 1917 году у ворот Петропавловской крепости председатель Государственной думы М.В.Родзянко проводил митинг за продолжение войны с Германией. В Таврический дворец вернулся он возбужденный, более того – разъяренный, и рассказал:

«Все было очень хорошо. Народ как будто соглашался. И вдруг выходит какой-то мерзавец и спрашивает: “А сколько у господина Родзянко десятин земли, которую мы должны спасти?..” После этого меня чуть не разорвали...»

Этим “мерзавцем” и был Даниил Маркович Кохно.

Я познакомилась с Даниилом Марковичем в 1921 году, когда он с женой приехал в Кисловодск. В те годы в Кисловодске были самые различные религиозные общества: толстовцев, теософов, антропософов, евангелистов и прочих

Даниил Маркович Кохно

сектантов. Даниил Маркович выступал как толстовец. Я пришла к его жене покупать шерсть, и так мы познакомились. Я его прозвала “совопросником века сего”, и он спрашивал: “Где такая Таня, которая прозвала меня совопросником?” Наша православная семья с ним сблизилась, понимая глубокую искренность его заблуждений. Монахиня Нина читала ему “Письма князя Дмитрия Хилкова⁶”.

Однажды Великим постом мы были за Литургией в Пантелеймоновской церкви. Неожиданно во время пения “Верую” входит “совопросник”, падает на колени и кается.

Как мы узнали позже, в эту ночь Даниил Маркович видел сон: он стоит на паперти, а перед ним – Господь Иисус Христос, Который очень слабо держит его за руку и вот-вот выпустит. И это потому, что он вне Церкви. И он понял свою ошибку, понял всю пагубную ложь толстовства.

Вскоре Даниил Маркович пошел на Бештау, вынес епитимию, наложенную на него отцом Стефаном, венчался, крестил дочку, и я стала ее крестной. Даниил Маркович не раз выступал против обновленцев. Помню, как мы с ним отстаивали собор в Кисловодске и какую замечательную речь сказал он тогда.

Его несколько раз арестовывали, сажали в тюрьму. Но в то время никто из нас не боялся смерти – все боялись потерять Православие. Умер Даниил Маркович у себя на родине 10 декабря 1952 года в возрасте 65 лет.

6

В 1941 году, когда немцы были уже в Химках, из Москвы хотели вывозить мощи святого благоверного князя Даниила. (Мощи преподобного Сергия Радонежского были уже вывезены историко-археологическим обществом для сохранения.) В ночь на 23 ноября по старому стилю князь Даниил Московский сам явился Сталину (при Сталине ночью Кремль был освещен и все работали) и сказал: “Я хозяин Москвы, не трогайте меня, а то вам плохо будет”. Утром Сталин вызвал к себе Заместителя Патриаршего Местоблюстителя (так его поминали; бедные дьякона язык ломали, по бумажке читали), митрополита Сергия Страгородского, и сказал ему, что находит своевременным открытие церквей, духовных учебных заведений.

В то время я работала в Вышнем Волочке, в тубдиспансере. Однажды утром бежит ко мне верующая санитарка, протягивает газету. “Татьяна Ивановна, смотрите!”

Я беру в руки газету и глазам своим не верю. Меня даже пошатнуло, когда я прочла слова Сталина о том, что он находит своевременным открытие церквей, семинарий, академий. Все коммунисты надулись и недоумевали, а мы, верующие, радовались. Мы не могли поверить! Ведь что мы пережили! Накануне войны за одну карточку отца Иоанна Кронштадтского арестовывали! Так что Сталин что-то такое пережил внезапно. Такой переворот в его душе мог совершить только князь Даниил.

Почитайте историю войны: с 23 ноября (по ст. ст.), дня празднования памяти благоверного князя Александра Невского, началось наше наступление и началась наша победа. Разгром немцев под Москвой — это настоящее чудо. Военные говорят, что, как мы победили, мы понять не можем. Панфиловцев оставалось 28 человек; на них шли танки, они должны были быть раздавлены. И вдруг немцы повернули назад и побежали. А потом от пленных немцев узнали, что они увидели Божию Матерь (Мадонну) и Она показала им на запад.

О том, что Сталин видел князя Даниила, рассказал мне архимандрит Иеремия (Лебедев), казначей Патриарха Алексия, когда я после войны приехала в Москву. Архимандрита Иеремию я знала давно. Я очень дружила с его сестрой, девицей Александрой, которая посвятила свою жизнь уходу за больной матерью. Она не вставала с постели долгие годы.

От отца Иеремии я узнала следующее: когда Святейший приехал за границу, его упрекнули в том, что он служил панихиду по Сталину — безбожнику. Патриарх Алексий во всеуслышание ответил: "Я служил не за безбожника".

За него молился схиархиепископ Антоний (Абашидзе). Он был инспектором той семинарии, где учился Сталин. И когда Сталина за "проказы" сажали в карцер на хлеб и воду, он его жалел и посылал ему покусать. А когда времена переменились, когда уже Сталин стал самодержцем,

а он архиепископом, его хотели арестовать. И вот Сталину дали знать: помнишь князя Абашидзе, который тебе кушать посылал, когда ты в карцере сидел? И Сталин сказал: "Не трогать его". И Владыка Антоний за него молился и что-то ему вымолил. Уж какая судьба Сталина, мы не знаем, это Бог один знает, но все-таки с него началось освобождение.

7

Сколько стало верующих во время войны! В 1921 году в многокомнатной квартире жил один батюшка, очень хороший, очень храбрый. Там же жил чекист.

В то время еще оставались богатые люди, не все были разорены. Чекист вызывал их и забирал у кого золото, у кого меха. И батюшка ему сказал: "Если ты будешь так делать, то через 20 лет Бог тебя накажет". Он, конечно, продолжал делать то же, но батюшку все-таки не предал.

Прошло 20 лет. Наступил сорок первый год. Его, как коммуниста, первого отправляют на фронт, и он, конечно, попадает в плен. (В первые дни войны было сплошное побоище!)

"О, коммунист!" Дают ему лопату и немца с ружьем. "Веди его, убей". Немец говорит: "Рой себе могилу".

И вдруг этот коммунист в сердце своем (имейте в виду, что сердце — это орган познания!) услышал: "Через 20 лет Бог тебя накажет". Он заплакал первый раз в жизни и первый раз в жизни перекрестился. Немец удивился: "Рус, ты крестишься? Пошел вон!" — и выстрелил в воздух, а его отпустил.

И когда этот бывший чекист вернулся из плена, то разыскал жену и дочь батюшки (батюшка уже умер), рассказал им все. Сдал партийный билет, стал верующим человеком. Не могу сказать точно, стал ли он священником.

Примечания

¹ Старец Герасим – игумен Чудова монастыря (в миру Георгий Анциферов, 1839–1911). Родился в Сибири, в семье священника-миссионера, круглый сирота с 8 лет. С 1860 года – послушник Чудова монастыря в Москве; келсйник митрополита Филарета (Дроздова), передавшего о. Герасиму свою рясу в знак того, что и он будет иметь дар прозорливости, которым обладал сам святитель.

В 1927 году при перенесении останков старца с Покровского на Даниловское кладбище гроб был открыт, и оказалось, что батюшка совершенно негнелен.

² Евгения Леонидовна Четверухина, урожденная Грандмезон (1883–1974). Жена священника о. Ильи Четверухина, настоятеля Николо-Голмачевской церкви в Москве. Более 40 лет отдала Церкви, пела и читала на клиросе. Вместе с о. Ильей является автором книги “Иеросхимонах Алексей, старец Смоленской Зосимовой пустыни”.

³ Головин Сергей Селиванович (1866–1931) – крупный русский офтальмолог, профессор; в 1911–1918 годах – главврач московских глазных больниц.

⁴ Митрополит Нестор (Анисимов, 1884–1962) – миссионер, создатель Камчатской Духовной миссии и Камчатского Православного Братства, благоустроитель колонии для прокаженных на Камчатке; с 1916 года – епископ Камчатки. Долгие годы провел в вынужденной эмиграции, где не прекращал своей благотворительной деятельности. Вскоре после войны 1941–1945 годов вернулся в Россию и был репрессирован. После освобождения с 1956 по 1958 год был митрополитом Новосибирским и Барнаульским, затем Управляющим Кировоградской епархией. Погребен в Переделкино, в ограде Спасо-Преображенского храма.

Митрополит Нестор был лично знаком с царской семьей, написал “Личные воспоминания о царской семье”.

⁵ Монахиня Пюхтицкого монастыря Серафима Резон (1883–1963), дочь митрополита Серафима (Чичагова), причисленного к лику святых 10/23 февраля 1997 года.

⁶ Д.А.Хилков (1858–1914) – по словам М. С. Новослова, прошел в своем духовном развитии путь от “ярого толстовца” до горячего апологета церковности и верного сына Православия.

О последних днях и кончине монахини Сергии

24/7 октября 1994 года закончился земной путь монахини Сергии. Дух ее и душа успокоились в Боге.

За день до кончины монахини Матушка игуменья Варвара приходила проститься с ней, перекрестила ее и благословила читать отходную.

День был несолнечный, но очень светлый от желтых, еще не облетевших листьев.

Приходили сестры прощаться, клали земные поклоны. В келье читалось Святое Евангелие.

Матушка Сергия медленно крестилась, и ее молитва, которая всегда была дыханием ее жизни, поддерживала всех.

В первые дни после инсульта монахиню Сергию соборовали, а начиная с праздника Рождества Пресвятой Богородицы, она ежедневно, по благословию Матушки Варвары, с глубоким сокрушением, считая себя недостойной, причащалась Святых Христовых Таин.

Было уже раннее утро накануне праздника преподобного Сергия. Внезапно в келье наступила тишина, затем несколько редких, чуть слышных вздохов, и душа матушки Сергии легко и мирно отошла ко Господу. Часы показывали 4.35... Лицо её озарилось внутренним светом и легкой улыбкой и оставалось таким около двух часов.

Пришедшие сестры облачили матушку по монашескому чину. Двенадцать ударов в колокол возвестили о кончине монахини Сергии. “Я тяжелая, сестрам трудно будет нести мой гроб”, — говорила она, как всегда, беспокоясь о других. А гроб оказался почти невесомым. Поставили его на возвышении в приделе святых преподобных Иоанна Лествичника и Серафима Саровского.

После Литургии была первая панихида с торжественно-умилительным пением сестер. У гроба до самого погребения монахини читалась Неусыпаемая Псалтирь.

Отпевание и погребение совершались на третий день. Это было воскресенье. Память святого апостола Иоанна, друга Христова, девственника, апостола любви. И еще — память другого святого, великого поборника Православия, святителя Тихона, Патриарха Московского.

Последнее земное благословение Матушки игуменьи Варвары

В последний путь монахиню Сергию провожали Матушка Варвара и все пюхтицкие сестры.

Золотые листья тихо падали на еловые ветки, на крест. Светило солнце.

“Смерти никакой нет. Все живы!” — говорила матушка Сергия.

На кладбище ее могила с самого края, завершает ряды, которыми кончается земное и начинается вечное...

АКАФИСТ
В ЧЕСТЬ ПРЕСЛАВНАГО
ВВЕДЕНИЯ ВО ХРАМ БОЖИЕЙ МАТЕРИ

КОНДАК 1

Избранней от всех родов Пречистой Деве Богоотроковице, благодатию Своею весь мир покрывающей, благодарственная пения приносим Ти, Благодатная. Ты же, всему миру Помощница суща, прими нас от скорби и уныния изнемогающих, да зовем Ти: радуйся, Благодатная Богородице Дево, благодать и спасение в мир вводящая.

ИКОС 1

Ангели послани быша предстояти Ти, егда праведными родителями Твоими приведена была еси в храм Господень. И мы грешнии вхождению Твоему радуящиеся, припадаем Пречистым стопам Твоим и вопием Ти:

Радуйся, заре утренняя, день спасения нам возвещающая.

Радуйся, яко голубица ковчега Ноева, надеждою на милость Божию нас утешающая.

Радуйся, по ступенем храма возшедшая и мир из глубины греха возводящая.

¹ О творении м. Сергия известен отзыв Святейшего Патриарха Алексия (Симанского): "Да будут благословенны любовь и благоговение, с которыми написан этот Акафист".

Радуйся, звездо путеводная, над морем греха возсиявшая.

Радуйся, весне обновления, над одряхлевшим грехми миром расцветшая.

Радуйся, венчанная славою, серафимски Бога возлюбившая.

Радуйся, Честнейшая Херувим, Херувимов мудростию превозшедшая.

Радуйся, Святая и Непорочная, Духом Святым во Святая Святых введенная.

Радуйся, Благодатная Богородице Дево, благодать и спасение в мир вводящая.

КОНДАК 2

Видяще Премудрый Отец Небесный времен издревле прореченных приближение, посла Тя предвозвестницею Своего благоволения. Праведнии же родители Твои, яко лучший дар Богу, привелоша Тя Пречистую во храм, да поеши непрестанно: Аллилуиа.

ИКОС 2

Разум богомудрый в Тебе, Отроковице, обретется, егда с родители Своими в царския одежды облеченная шествовала еси. Ангели убо вхождению Твоему, Пречистая, удивишася. Мы же со трепетом и любовию вопием сице:

Радуйся, крилами ангельскими поддержанная, по
пятнадцать ступенем церковным возшедшая.

Радуйся, скоропотекшая теми ступеньми, имиже
токмо священницы и левити точию с пением псал-
мов восходити дерзаша.

Радуйся, архиереем Захариєю в Дусе Божествен-
нем во Святая Святых введенная.

Радуйся, вхождением Своим надежду на утерян-
ный рай возвратившая.

Радуйся, послушанием Своим и нас отречению
от плотской воли научающая.

Радуйся, неисходным пребыванием во храме в
посте и молении первую монахиню явившаяся.

Радуйся, отвержением мира путь иноческий ос-
вятившая.

Радуйся, отшельницею незримою юность проведшая.

Радуйся, восхождением от силы в силу горних
обителей достигшая.

Радуйся, непрестанною молитвою любовь Божию
стяжавшая.

Радуйся, непостижимою чистотою души и тела
восприятию Слова Божия приуготовившаяся.

Радуйся, древних праведников чаяния испол-
нившая.

Радуйся, будущим подвижником Христовым путь
безмолвия указавшая.

Радуйся, Благодатная Богородице Дево, благо-
дать и спасение в мир вводящая.

КОНДАК 3

Сила Вышняго осени и умудри Тя, Преблагословенная, егда трилетствующим младенцем во храме Божием оставлена была еси. Ангели же окружиша Тя, да непрестанно служат Ти поющей: Аллилуиа.

ИКОС 3

Имела еси благоутробное произволение служительницею смиренною быти Матери Сына Божия, егда в книзех пророческих уразумела еси пришествие Искупителя мира. За таковое смирение избра Господь Тя Едину в Мати Себе, да блажат Тя вси роди:

Радуйся, облаче белоснежный, светом Христовым озаренный.

Радуйся, золотая лампадо во Святая Святых возженная.

Радуйся, в Бозе спасение человеческое созерцающая.

Радуйся, смирением возвышенная, и нашу гордость смиряющая.

Радуйся, зрети согрешения наша нам дарующая.

Радуйся, Сама греха не сотворшая, но кающихся грешников от греха отводящая.

Радуйся, всю волю Господню соблюдшая, и нас заповеди хранить научающая.

Радуйся, пищею ангельскою питавшаяся, и нас алкати правды Божией наставляющая.

Радуйся, умом всецело в Бозе пребывавшая, и наши помыслы воедино собирающая.

Радуйся, Благодатная Богородице Дево, благодать и спасение в мир вводящая.

КОНДАК 4

Бурю смятений грехи наша воздвизают в душах наших и не имамы где пристанища безмолвнаго от мысленных волн. К Тебе, Пренепорочней, яко к тихой пристани притекаем зовуще: Аллилуиа.

ИКОС 4

Слышаще вси роди христианстии о чудеснем Твоем во храм введении, прославиша Тя, яко Заступницу усердную, яко всех скорбящих Радость и Скоропослушницу молений наших. Ты бо во вся веки вся страны православныя посещала еси. Сего ради славословим Тя:

Радуйся, в безмолвии юность проводившая.

Радуйся, посту Ангелы наученная.

Радуйся, Пречистыма рукама Своима хитон Спасителю мира соделавшая.

Радуйся, в прядении волны¹ и льна и в швении шелковом для храма Божия упражнявшаяся.

Радуйся, вся глаголы о Сыне Своем в сердце слагавшая.

¹ Волна - шерсть (ц.-сл.).

Радуйся, жребий апостольский приявшая.
Радуйся, наша греховныя язвы покрывающая.
Радуйся, воздержанию нас наставляющая.
Радуйся, вся дела наша во славу Божию творити
вразумляющая.

Радуйся, молитве сердечней нас научающая.
Радуйся, без страха исповедати Имя Сына Твоего нас укрепляющая.
Радуйся, Благодатная Богородице Дево, благодать и спасение в мир вводящая.

КОНДАК 5

Боготечною звездою явилася еси Ты, Пречистая, Препоблагословенная, наступление Новаго Завета возвещающая. Мы же во мраце греха заблудшии токмо Твоими лучами путь спасения обретаем и поем Тобою: Аллилуиа.

ИКОС 5

Видяща Архангела Гавриила благодать Тебе, Честнейшей Херувим, возвещающего, глаголала еси во смирении: "Се раба Господня, буди Мне по глаголу твоему". Сему смирению Божественному умиляющесе, припадаем Ти:

Радуйся, яко свеча миру неведомая за мир пред Богом горевшая.

Радуйся, издетска елей милости в сердце яко в лампаде накопившая.

Радуйся, яко кроткая Горлица при храме Святем привитавшая.

Радуйся, яко седмисвещный светильник пред лицем Божиим непрестанно сиявшая.

Радуйся, с сердцем молитвою исполненным во Святая Святых пребывавшая.

Радуйся, в тишине церковней к велицей скорби Голгофстей приуготовившаяся.

Радуйся, безмолвию наученная, поношения и поругания Сына Своего у Креста безмолвно разделившая.

Радуйся, Благодатная Богородице Дево, благодать и спасение в мир вводящая.

КОНДАК 6

Проповедницею Евангелия Сына Твоего явилася еси, Пречистая, егда во времена апостольския жребий со ученики прияла еси и на проповедь на Святую Гору Афонскую пришла еси. Но и по успении Своем не престала еси промышляти о роде христианстем и в новыя времена не оставляла еси православных христиан, наипаче преподобных во иночестве просиявших, поющих Богу: Аллилуиа.

ИКОС 6

Возсияла еси издревле стране нашей Российстей многими скорбьми терзаемой светом Своих чудотворных икон, силою незримую по воздуху носимых.

Ныне же мы в скорби о гресех наших на Тя едину надежду возлагаем и со слезами глаголем Ти:

Радуйся, Заступницею усердною от народа русскаго нареченная.

Радуйся, иконою Знамения о междоусобиих князей русских слезы источившая.

Радуйся, иконою Владимирскою татарския орды хана Ахмата устраившая.

Радуйся, иконою Иверскою, яко благая Вратарница, многим заблудшим спасение отверзшая.

Радуйся, иконою Казанскою, яко стеною необоримою, нас ограждающая.

Радуйся, образом Тихвинским благословение Царьграда нам принесшая.

Радуйся, Скоропослушницею со Святыя горы Афонския к нам пришедшая.

Радуйся, яко Всех скорбящих Радость, лепты копеечныя милостиво на икону Свою принимшая.

Радуйся, Взысканием погибших многих без вестей сгинувших взыскавшая.

Радуйся, Нечаянною Радостию на путь покаяния нераскаянных вернувшая.

Радуйся, Благодатная Богородице Дево, благодать и спасение в мир вводящая.

КОНДАК 7

Хотящим угодником Божиим во уединении подвизатися всегда споспешествовала еси, Пречистая Дево Богородице, яко первая подвижница и безмолвница,

и слышиши во вся веки от всех стран христианских хвалебное пение о Тебе: Аллилуиа.

ИКОС 7

Новыя времена и скорби новыя послал есть Правосудный Господь за прегрешения наша роду христианскому. Вемы бо, “яко оскуде преподобный и умалишася истина от сынов человеческих”. Не остави же нас, о Пречистая Мати, и якоже древле защити вопиющих Ти:

Радуйся, подвижников наших отеческих зело возлюбившая.

Радуйся, во обители небесныя их приявшая.

Радуйся, молитвам их об Отечестве страждущем милостию внемлющая.

Радуйся, печальника земли Русския Сергия преподобнаго некогда в тиши келейней посетившая.

Радуйся, избраннику Своему Серафиму Саровскому многократно являвшаяся.

Радуйся, благословенней обители Оптинстей наименование в честь Введения Своего даровавшая.

Радуйся, тамо старцев благодатных тайно вразумлявшая.

Радуйся, всем иноком надежда и утешение.

Радуйся, и ныне их не оставляющая.

Радуйся, в суете мира среди молвы житейския их сохраняющая.

Радуйся, словами Спасителевыми “Не бойся,

малое стадо” их ободряющая.

Радуйся, очищатися скорбьми среди мира их наставляющая.

Радуйся, бесов и людей, их волю творящих, Единая Грозная Победительница.

Радуйся, Благодатная Богородице Дево, благодать и спасение в мир вводящая.

КОНДАК 8

Странно и сумнительно неверующим слышати, како трилетствующим младенцем во Святая Святых введена была еси благодать соввоядщи. Ангельстии же и девственнии лица сопровождаша Тя, воспевая Богу: Аллилуиа.

ИКОС 8

Вся бывши горе, во храме святем пребывала еси, Пречистая, яко на небеси. Ныне же о прегрешениих рода христианского скорбящая селения райская оставляеши, да спасеши род жестоковыйный. Темже вси стезю спасения ищущии многократно Твою всесильную помощь получающе зовут Ти:

Радуйся, вхождением Своим во храм спасение человеческое предначавшая.

Радуйся, и поныне тому помогающая.

Радуйся, трилетствующим младенцем Богу Себя посвятившая.

Радуйся, и по успении домостроительству спасения служащая.

Радуйся, не оставляющая нас, егда мы путь спасения забвению предаем и блудным сыном уподобляемся.

Радуйся, благия помыслы и жажду правды Божией нам всевающая.

Радуйся, самими паденьми нашими нас премудро наставляющая.

Радуйся, от путей погибельных в лоно Церкви Православныя, яко в Дом Отчий, нас возвращающая.

Радуйся, творения святоотеческая нам слепотствующим открывающая.

Радуйся, к покаянию нас заблуждших вразумляющая.

Радуйся, не любиши мира и яже в мире нас долготерпеливно научающая.

Радуйся, Благодатная Богородице Дево, благодать и спасение в мир вводящая.

КОНДАК 9

Всякое естество ангельское преклонися пред Тобою, егда по благовестию архангельскому Дух Святыи найде на Тя, Благодатная Приснодево. Мы же от полноты благодарных сердец устнами грешными глаголем о Тебе: Аллилуиа.

ИКОС 9

Витийство человеческое немощно есть силы Твоя, Царице Небесная, изглаголати, яко на всякое время

и на всякий час род христианский не оставляеши, гнев Божий отвращаеши и надеждою на жизнь будущего века утешаеши, да поем Ти сице:

Радуйся, Игумене Единая наша Пречистая, монашествующих возглавляющая.

Радуйся, Старице наша незримая, помыслы от врага всеваемы властно отгоняющая.

Радуйся, Споручнице пред Сыном Твоим и Богом, обеты наша приемлющая.

Радуйся, Богу содействующу, исполняти их помогающая.

Радуйся, иноков нынешних милостивно соблюдающая.

Радуйся, на край гибели козными вражиими сплетенныя Своею Ризою Пречистою покрывающая.

Радуйся, ум наш влающийся¹ сомнениями на камени веры Православныя утверждающая.

Радуйся, волю соблазны мира уязвленную памятью обетов монашеских обновляющая.

Радуйся, обнищавшее сердце наше богатством неизживаемых щедрот Христовых укрепляющая.

Радуйся, Благодатная Богородице Дево, благодать и спасение в мир вводящая.

КОНДАК 10

Спаси хотя род человеческий посла Тя Господь яко лествицу от земли на небо, юже Иаков виде.

¹ Влающийся — колеблемый (ц.-сл.); здесь — смущаемый.

Пречудное убо Введение Твое воистину бе "благоволения Божия предображение и человеков спасения проповедание", да поют Тобою вси Ангели и человецы: Аллилуиа.

ИКОС 10

Стена еси православному миру и стаду иноческому во вся веки. Ныне же в скорби и томлении духа припадаем Ти сице:

Радуйся, архипастырей и пастырей наших в чистоте Православныя веры соблюдающая.

Радуйся, благодатию апостольстею их неоскудно снабдевающая.

Радуйся, хранити Церковь Христову, юже врата адава не одолеют, их премудро наставляющая.

Радуйся, в час недоумений мысль благую им на сердце полагающая.

Радуйся, на великий подвиг исповедания веры их благословляющая.

Радуйся, подвига ради их молитвеннаго и нас малодушных укрепляющая.

Радуйся, слова Сына Твоего "Аз есмь с вами и никтоже на вы" в сердцах верных сокровенно сказующая.

Радуйся, в храмах православных неотступно пребывающая.

Радуйся, Святыми Тайнами Сына Твоего нас в единомыслии сохраняющая.

Радуйся, от раскола и опаснаго своего разума
составления нас премудро ограждающая.

Радуйся, не судити вышних себе, наипаче о сво-
их гресех плакати нас прегордых вразумляющая.

Радуйся, Благодатная Богородице Дево, благо-
дать и спасение в мир вводящая.

КОНДАК 11

Пение хвалебное в честь Пресвятаго Твоего Вве-
дения приносим Ти, Благодатная Богоневесто, Пре-
чистая Дево, и с благодарением воспоминаем вся
милости Твоя роду христианскому излиянныя, да
поем Тобою: Аллилуиа.

ИКОС 11

Яко светоприемную свещу внесоша Тя во святыи
храм, Богородице Дево, и пред Богом поставиша Тя
во Святаи Святыи, идеже пребывала еси в нетленней
красе кроткаго и молчаливаго духа, за грешный мир
Богу молящаяся. По успении же Своем в Бозе пребы-
вая, молиши за ны Троицу Святую, да поем Ти:

Радуйся, в приснодевственнем сердце Своем все-
гда чисто молитву творящая.

Радуйся, непрестанною молитвою с Господем
соединившаяся.

Радуйся, умом, душею и телом в Бозе пребывавшая.

Радуйся, на высоту сердечнаго безмолвия от
юности возшедшая.

Радуйся, тайным поучением Себе во храм Искупителю приуготовившая.

Радуйся, освящения Святыя Троицы удостоившаяся.

Радуйся, внутренним подвигом Своим истинный путь монашеству указавшая.

Радуйся, ликом Своим благодатным Дионисия Ареопагита умилившаяся.

Радуйся, молитвы христиан первых веков принимшая.

Радуйся, и наша моления немощныя и грешныя не отвергающая.

Радуйся, древним иноком, огненные крила имевшим помогавшая.

Радуйся, и наша крила скудельныя и маломощныя поддерживающая.

Радуйся, Благодатная Богородице Дево, благодать и спасение в мир вводящая.

КОНДАК 12

“Благодать дал Ти Господь имети убо такову плоть ейже никакаяже приблизится греховная скверна никогдаже”¹. Сего ради о Дусе Святе внушаем, введе Тя Захариа во Святая Святыя, идеже бе Кивот Завета окован всюду златом и Херувими славы, осеняющий олтарь, да освятишися паче всякаго естества чистотою, поя Богу: Аллилуиа.

¹Текст из Четьи Минеи

ИКОС 12

Поюще Твое преславное введение, величаем и праведных родителей Твоих, иже восхотеша исполнити обеты своя делом. Мы же окаяннии николиже обетов наших соблюдохом, в нерадении суще. Но лютою скорбию уязвляясь, со слезами припадаем Ти:

Радуйся, Дево, умом, душою и телом приснодевствующая.

Радуйся, Пречистая, вся заповеди Господни сохранившая.

Радуйся, Премилостивая, вся милосердныя дела ближним изъязвившая.

Радуйся, Цвете неувядаемый, девством присноцветущий.

Радуйся, первая Дево, девство Богу обручившая.

Радуйся, со Архангелом Гавриилом, служителем Своим, беседовавшая.

Радуйся, нощи бо целыя и множайшую часть дня в молитве провождавшая.

Радуйся, Пренепорочная, греха во всей жизни не познавшая.

Радуйся, венчанная славою и честию, яко до рожества, в рождестве и по рождестве Дева.

Радуйся, козни врага рода человеческого поборяющая.

Радуйся, яко дым, искушения рассеивающая.

Радуйся, постников и столпников венчавшая.

Радуйся, и нас ни поста, ни молитвы не соблюдающих от Себя не отречающая.

Радуйся, Благодатная Богородице Дево, благодать и спасение в мир вводящая.

КОНДАК 13

О, Пречистая Богоневесто, ради Преславнаго Введения Своего умоли Господа нашего Иисуса Христа, да "введет нас недостойных в духовный Свой двор и сопричтет словесному Своему стаду, очистив ум наш от скверны", страстей и дарует нам непрестанно поминати предлежащая благая любящим Его, да поем Ему вовеки: Аллилуиа.

МОЛИТВА

"Величай, душе моя, Высшую Горних воинств Деву Пречистую Богородицу. Величай, душе моя, рождшую Спаса Христа". Величаю и поклоняюсь Ти, Пречистая и Всеблагая Дево Богородице. На Твою высоту воззрети не дерзаю, яко во глубине зол углебох. Ты, о Богоневесто, на земли Ангелы удивила еси Своим пречистым житием, вся заповеди соблюдшая, всю волю Господню сотворшая, вся словеса о Сыне Твоем в сердце слагавшая. Аз же окаянный Жертвою Господа Иисуса Христа в купели крещения искупленный, не соблюдох обеты крещения, Духа Святаго оскорбих, врагу, от коего отрекохся, паки сочетавахся.

О горе бедной душе моей! Коею доброю от Бога почтена была еси, образ носяй неизреченныя Его славы. Нерадением убо и постоянным греху служением Богоподобия лишилася еси, скотоподобие же приобретох. Ангели Хранители и Святых лики, яко стеною кольцевидною, окружиша душу мою, егда из купели крещения восприята была еси. Ныне же забвением Господа врагов спасения привлекох, иже мрачною стеною сташа окрест мене, да заградят свет Христов. И покрывша мя тьма, и яко во тьме хожду и волю отца лжи и человекоубийцы творю. Сего ради с велией тугою сердечною прибегаю к Тебе, о Мати Света. Тобою побеждаются естества уставы, Дево Чистая! Победи уставы греха, во удесех моих живущия и противоборствующия закону ума моего. Убели душевныя ризы, яже омыты быша водами крещения и паки осквернены. Омый их водами покаяния, даруй изобильно очесем моим источники слез, да плачуся денно и ношно о падении своем. Даруй ми зрети моя согрешения, даруй прежде конца покаяние и приими мя, яко блуднаго сына, яко наималейшаго от наемник Своих во Царствии Сына Твоего Господа нашего Иисуса Христа, да славлю Тя, непреложное упование мое, и Тобою Троицу Святую во веки. Аминь.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

“Минувшее разворачивает свиток...”	8
--	---

Мои воспоминания

Глава первая. Детство. Родители	44
---------------------------------------	----

Глава вторая. Духовные наставники	52
---	----

Глава третья. “На Пюхтицу”	82
----------------------------------	----

Мытарства	87
-----------------	----

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Стихотворения	98
---------------------	----

Рассказы монахини Сергии	106
--------------------------------	-----

О последних днях и кончине монахини Сергии	124
--	-----

Акафист в честь Преславного Введения во храм Божией Матери	126
---	-----

"И память их в род и род..."